

Борис Корнев

«ТРЕЩИНЫ» ВО ВСЕЛЕННОЙ

Эссе, новеллы, рассказы, очерки

Второе издание, исправленное и дополненное

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2021

Корнев Б.Ф. «Трещины» во Вселенной: Эссе, новеллы, рассказы, очерки. – 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2021. – 168 с.: ил.
ISBN 978-5-89566-238-0

Сборник пронизан общей мыслью и авторскими рассуждениями о времени, смысле жизни и поиске самого себя в любых условиях. И в пандемию – тоже!

Фотографии и рисунки автора.

© Б.Ф. Корнев: текст, 2021
© «Историческая иллюстрация», 2021

*Удивительно, что может сделать
один луч солнца с душой человека...*
Ф.М. Достоевский

*Во всём есть трещинки.
Сквозь них проникают лучи света...*
Леонард Коэн

Случается так, что, постигнув неизведанное доселе очарование чего-то для тебя нового, неожиданно близкого и удивительно родного, человеческий Разум вдруг становится пылающим. Преодолеть это «воспаление чувств» едва ли возможно. Мысли не рождаются... Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступках.

Именно теперь нужно аккуратненько надрезать колючую кожуру окружающего мира, порвать на себе непроницаемую оболочку привычных эмоций и сквозь трещины и там, и там вдохнуть нежный аромат Жизни! И море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в твою душу, наполнит восторгом, умилением и немножко

истоймой... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы... В слабых лучиках уходящего дня, успевающих порезвиться на водной глади... В блеске твоих глаз... Они на летящих облаках, лишь одно мгновение видимых на мокром песке после отката волны...

Новые океаны

Эссе

Июнь. Цвет зелени сквозь пелену влаги оттеняет холодную гладь неба. Воздух насыщен сладким ароматом цветущей сирени, яблони и рябины. Он опьяняет и пробуждает воспоминания о чем-то милом и нежном. По прошествии стольких десятилетий, встретив однокашников, легко оглядываться в прошлое! Ещё лет двадцать назад было не так. А теперь совсем не чувствуешь этой дьявольской смеси из давно остывших страстей – зависти, ревности, гордости, потока развеянных мечтаний. Бездействует и печально известный эффект «портрета Дориана Грея». Вместо того, чтобы изумляться старению одногодок, вглядываешься в их лица и с головой окунаешься в юность. Угадываешь озорной блеск в глазах приятелей молодости, превратившихся в степенных учёных мужей. Вспоминаешь ещё не приглушённые годами порывы души и знакомое, чуть заметное движение руки когда-то понравившейся девчонки... Слышишь беззаботный смех, вновь чувствуешь радость от дружбы в походах, на празднованиях дней рождения, в стройотрядах. Почему-то именно там, а не на уроках, лекциях или семинарах, где нас испытывали бесконечными «тестами на выживаемость».

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У меня сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты. Помню боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мы, будто в воду, Ихтиандром ныряли с парты на пол. Слышу музыку французской речи нового учителя литературы. Чую острый запах аммиака, выползающий из-под неработающих вытяжных шкафов в лаборатории. До сих пор ощущаю дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и кисловатый привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

А танцы под «Мишель» на верхнем этаже общежития! Там, в конце коридора, притаилась маленькая комнатка. В ней после военных сборов одно время скрывался от коменданта наш однокурсник. Изголодавшиеся по острым ощущениям, в этой забытой Богом каморке мы днями напролёт играли в покер. Время от времени выныривали в коридор и, проплывая мимо пришедших на танцы, стреляли сигареты. Потом вновь погружались в мир искусственных эмоций... В комнате не было ничего особенного – железная койка с давно не стиранным бельём, длинный стол, сколоченный из досок, и шесть табуреток. На столе невеста откуда взявшаяся потёртая бархатная цвета бордо скатерть с рюшами. Ещё на вбитом в стену гвозде висела корзина с книгами. Такая простая плетёная корзинка для ягод и в ней, помню, «Игра в бисер» Гессе, «Милый друг» Мопассана, а рядом с каким-то учебником по органической химии – «Маленький принц»...

Как же хочется вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблекнуть под гнётom вездесущего рассудка!

Теперь, спустя столько лет, ясно сознаёшь, что все эти годы в первую очередь мы искали самих себя. Искали, будто в фантастическом романе, как в «Игре в бисер», порою не зная правил и пытаюсь совместить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. При этом мы всегда помнили известную истину: «Человек не сможет открыть новые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег» (*Андре Жид*)...

От укоренившейся привычки к трудностям и к постоянной борьбе за «счастливое будущее» на глазах появлялись шоры. Они заслоняли множество других возможностей для самовыражения. И тогда мы вынуждены были заниматься тем, что противоречило изначальному предназначению. Душа постепенно тускнела, заполнялась рассудительностью, расчётливостью, пропадал блеск глаз, исчезало чувство упоения и радости.

Вместо того, чтобы сначала понять самого себя, раскрыть способности, избавиться от разрушительных убеждений или комплексов, часто сияются разобратся в окружающей обстановке. Конечно, искать себя трудно. Мы боимся этого больше всего на свете. Кажется, если не побывать у врача, то и болезни не будет. Как похоже на не очень складные, но точные по передаче чувства слова из песни: «И солнце б утром не вставало, когда бы не было меня...»

Вот именно! Солнце не только не встанет. Оно не будет освещать твой жизненный путь. Жизнь у каждого одна, и свет для каждого свой. Для фанатика это факел, прожектор. Вспыхнул однажды, ослепил, и — никаких сомнений! Вот и бежит такой безумец, будто глупый заяц перед зажжёнными фарами «мерседеса».

Ведь прожектор только тогда не слепит, когда светит в спину. Другой, не инфицированный патологической идеей, плывёт от звезды к звезде, попадая в ловушку их поля притяжения. Так и блуждает в бесполезных поисках своего «я», копируя кумиров и идя за кем-то на чужой, невидимый ему свет. По сути это чёрная дыра. Свет от такой звезды из-за ее огромности не может оторваться. А во тьме крошечной даже не знаешь, чего хотеть. Обычно хотят изменить свою жизнь, но не знают, как и, что ещё важнее, – в какую сторону. Оставаясь в темноте без поводья, волей-неволей начинаешь самостоятельно искать свой Очаг. Ищешь как умеешь. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то остаётся всего лишь шаг. Но этот шаг порою оказывается длиннее жизни.

Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв, выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.

В девяностые, на перепутье эпох, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по нескольку раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучи-

тельно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали советскую власть... Длинные ряды мёрзнувших у метро плохо одетых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьонов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. «Когнитивную ригидность» приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду привлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища. Тогда никто из них даже не догадывался, что только пять процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом ещё тридцать три, и дадут работу другим. Тогда ещё не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Мы переносили в новую неизведанную среду обитания привычные человеческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой – тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали», одним глазом на икону дивились, другим – на ток-шоу в телевизоре.

Несмотря ни на что, выжили и те, кто остался верен своему первоначальному выбору. Их совсем

немного. Сейчас они преподают то, чему учились, они в науке, у них есть свои ученики. Некоторые девицы удачно вышли замуж и посвятили себя семье и детям, третьи уехали за границу и там пытались найти применение своим умениям... Кто-то, как в набитый людьми «трамвай желаний», всё-таки влез в бизнес, в управление, в политику.

Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности, а затем позволило их реализовать... Люди, с которыми ты работаешь, с кем дружишь, кого любишь...

Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, с самим собой! Больше не нужно ничего ломать и переделывать, «высокие горы сдвигать», «менять течения рек», «по полюсу гордо шагать»...

Это как у загадочного поэта и художника Уильяма Блэйка... Аккуратно постриженная травка на газонах, обыкновенный листочек, колышавшийся на ветру... Особенно осины! Если ночь была холодной, поутру на нижних лапах елей появляются хрупкие паутинки. Много тонких паутинок... Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами. А на фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые берёзы стоят совершенно чёрные, и в молодом ельнике плутают последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костёр... Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникает в твою

душу, наполняет восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. То же чувствуешь при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику «Красная палатка»...

Ты почти счастлив!

Почему почти? А вдруг в тебя проникнет хандра или подберётся тоска по буйной молодости... Тогда знаешь что? Отвлекись на минуту от природы, от родных, от любимого дела, сядь в машину и поезжай в большой город, возьми мою собачку и побродь с ней на поводке по тихим улочкам. Увидишь тех, кто в утреннем сумраке тёмной массой движется от метро к какому-нибудь НИИ. Они, будто инопланетяне, с вечными наушниками от телефона и на ходу разговаривают сами с собой. Подожди, пока рассветёт, выйди на проспект и ты столкнёшься с иными. Эти снуют туда-сюда, в них ещё кипят неуёмные желания, они рвутся куда-то и жаждут богатства...

Увидел? И тех и других? Правда же, ты испытал необычное чувство? Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение твоей жизни!

Где-то там...

Эссе

Может что-то пойти не так. Сломается каблук, подгорят блины, не понравится платье... Близкие не захотят смотреть твой любимый фильм... Может случиться всё что угодно. Так вот! Если что-то не получается, это ещё ничего не значит! Просто сейчас это что-то идёт не так, как ты хочешь. Как сейчас хочешь... Уже завтра, а может, через минуту многое изменится. Никогда не делай поспешных выводов, не принимай резких решений и тем более не спеши их реализовывать. Сядь, посиди, послушай хорошую музыку, вкусно покушай, купи себе новое платье, улыбнись и поверь – к этому моменту ничего решать уже не придётся. Время – это ресурс, который способен решить всё и всегда. «Немедленно ждать!» Жди, лишь изредко спрашивая себя: «А что будет, если сейчас ничего не сделать?»

И вообще, не гонись за счастьем, как бы оно ни выглядело. Лучше найди то место, где оно водится. И счастье само тебя найдёт. Случаются такие моменты, когда Судьба приходит и стучится в твою дверь. Это может произойти одним из миллиона способов – через хорошую книгу, танец, который тебя танцует, музыку, проникающую прямо в душу, собачку, котёнка или птичку, через страсть, прозрение

в творчестве, цветок, закат или рассвет... Будь открытой, чтобы сразу почувствовать это!

Главное – иметь возможность выбора. А для этого ставь только самые высокие, большие, но реальные цели. К маленькой цели ведёт только один путь, а к большой – много. И не позволяй быстрым решениям уменьшать их количество! Ведь можно же заменить неудачный блин, или вместо блинов сделать греночки с только что сваренным в мешочек куриным яйцом, или лучше вообще отказаться от мучного... А фильм смотреть в одиночестве – вообще блаженство! Полностью отдаёшься эмоциям. Причём только своим! Всё самое мудрое рождается именно в одиночестве!

В конце концов, можно просто умчаться куда-нибудь на чудесный остров... Там радость каждый день! Кстати, её совсем не сложно получить здесь и сейчас. Нужно только к какой-нибудь вдруг случившейся неудаче относиться как к удаче, смысла которой ты ещё не поняла. Правда, если всё время везёт, тогда радость превращается в привычку и... исчезает. Так для того и даётся время, чтобы не сразу радоваться, а сперва чуть-чуть помучиться, прозревая и угадывая очередную удачу! Но, что важно! Всегда, даже если кажется, что всё очень плохо, хорошо бы сразу умудриться подмечать крупницы хорошего! Красота есть во всём, но не всем дано это видеть. Кто-то умный сказал: «Можно всю жизнь проклинать темноту, а можно догадаться зажечь маленькую свечку...» Свет собственного ума – самый лучший. Он освещает и снаружи, и внутри, позволяет понять, что для тебя вредно, а что полезно. Здесь сокрыто и трудное, и интересное... Ведь это тот самый миг, когда ещё пылающий Разум уже начинает гасить твои первые эмоции.

К примеру, враг – это же ужасно! И, тем не менее, не бойся его. Он нужен! Он мотивирует. Бойся иметь плохих друзей, они дезориентируют и тянут на дно. Это токсичные связи. Их нужно как можно быстрее почувствовать и постепенно, медленно «вымывать». Токсичное и вредное никогда не вырывать из «клеток» своей души! Это почти всегда больно, да и небезопасно. Только вымывай! Постепенно, как в медицине капельницей... Красивое и полезное, напротив, – старательно намывай! Как крупички речного золотого песка...

А лучше забыть всё это, оставаться собой, сесть на берегу или устроиться где-нибудь в лесу на полянке... и любоваться. И тогда море ощущений проникнет в твою душу... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы... В слабых лучиках уходящего дня, успевающих порезвиться на водной глади... В блеске твоих глаз... Они на летящих облаках, лишь одно мгновение видимых на мокром песке после отката волны... Самое главное – сказку не спугнуть! Она ведь такая хрупкая, мимолётная и призрачная!

Но она где-то там...

София-Антонина

Эссе

Вон там, на сосне, гнездо птиц – касито де пахаритос – птенцы уже выросли и теперь сами летают, где хотят. Но у нас на балконе есть для них домик из склеенных листов картона, с дверкой и окошком. Пусть сюда прилетают! Смотрите, как тут красиво и тепло! Внутри тряпочки, вокруг цветочки и ягодки... Ещё нужно мыльных пузыриков туда... Открыла дверку, присела на корточки и пускает через соломинку мыльные шарики. Они переливаются всеми цветами радуги и там внутри лопаются. Но как красиво! Птички обязательно прилетят... хотя бы посмотреть. А чтобы все видели, как они радуются, вдоль всего балкона напротив домика расставила стулья для зрителей.

Сколько радости, удивления, тревоги! Мне кажется, она понимает, что я не знаю язык, на котором она говорит. Никаких проблем! Главное – чувствовать и сопереживать. А она это видит и радуется тому, что вокруг все такие, как она, – любят птичек, хотят им добра и что-то делают для этого. Вместе с ней...

«Трещины» во Вселенной

Эссе

В Израиле растёт такой кактус – «Сабра».

Его плоды с острыми иголками.

*Если надрезать плод, внутри
сладкая нежно-розовая мякоть...*

У меня есть приятель, он из Тель-Авива. Мы там вместе работали ещё в конце девяностого. Уже заканчивалась «Война в Заливе», и по улицам, только что расчищенным от завалов после ракетных ударов, ходили патрули из совсем юных местных девчонок. Они носили винтовки за спиной, перевёрнутые вниз дулом. Оружие почти волочилося по земле. И смешно, и грустно...

Тот кризисный проект был особенным. Нужно было придумать, как сохранить интеллектуальную собственность крупного предприятия в условиях двойной неопределённости. Неопределённости состояния как самой компании, так и всего того, что вокруг неё. При этом первоочередная задача – в сплошном болоте негатива отыскать хоть какой-то кусочек твёрдой почвы, ту самую кочку, оттолкнувшись от которой можно начать движение вперёд. Не сыщешь – не будет успеха! Впрочем, это аксиома для всех кризисных проектов.

Как-то раз сидим, попиваем местный ликёр «Сабра»... Кстати – изумительный эликсир! А приятель – мудрый и вообще хороший человек – мне и говорит:

– Это наш национальный напиток. Он из сока диких апельсинов, пропущенного над парами шоколада. Вначале кисло и даже в глубине горла горько, а потом начинается чудо! Сказывается шоколад. Он сглаживает резкие вкусовые ощущения. – Приятель вдруг замолчал, посмотрел куда-то вдаль, улыбнулся и продолжил: – Вот так и у нас... Мы вначале колючие, вроде неприветливые даже, а поговоришь, выслушаешь, поделишься искренне своими переживаниями, и на тебе – мягкая отзывчивая душа открывается...

Это он про израильян. А я подумал тогда, как похоже на наши проекты! В кризисе обычно так всё плохо, что, если не увидишь хоть крупицу хорошего, не сможешь работать сам и не удержишь в команде других, таких разных и с уникальными способностями участников проекта. У каждого своя философия и система ценностей. Именно поэтому иногда они бывают так нетерпимы друг к другу. Любые отклонения от оптимальной архитектуры их взаимоотношений и постоянно меняющиеся ожидания обязательно вызывают вспышки негодования. Ради общей цели приходится их гасить сердцем тому, кто отвечает за информационную, психологическую и энергетическую составляющие проекта. Это не любовь и не дружба. Это партнёры.

С израильским партнёром разговаривали на французском. И он, и я – на слабеньком французском. Зато всё понятно! Уже хоть какой-то плюс! Даже пели вместе песни Джо Дассена.

Я вспомнил слова своего приятеля четверть века спустя, когда жил во французской Каталонии и второй раз в жизни наслаждался ликёром «Сабра». Позади много интересных встреч, обилие всяких кризисов в разных странах, в разных бизнесах и на перепутье эпох... Не пойму, почему, но тогда подумалось на первый взгляд совсем о другом: «А ведь везде по-разному говорят привычную фразу после приветствия!» Вернее вкладывают в неё разный смысл. «Как дела? Как здоровье?» Или, как в Испании: «Ты как?» Отвечают тоже по-разному. И только в Израиле отвечают: «Наслаждаюсь жизнью!» Ничего так!

Это было в милом городке Сере, что около Пиреней на юге Франции, совсем рядом со священной горой каталонцев Канигу. Там, если уж кукушка начнёт куковать, то она это проделывает, пока тебе не надоест считать... Там всё инфицировано... – нет, не коронавирусом, – живописью! Десятки галерей только на одной улочке! Этакая мекка для французских художников. Они здесь почти все побывали. Каждый в своё время, конечно. Так вот, сижу я ранним утром в знаменитой кафешке, где на чашках красуется имя Пабло Пикассо, люблюсь памятниками XIII века – «Ворота Испании» и «Ворота Франции», попиваю кофе да случайно оказавшийся здесь ликёр «Сабра». Мой пёс Масик рядом на стуле устроился, ушки наострил, высматривает всё вокруг. Должно быть, охраняет «свою интеллектуальную собственность». Вдруг звонок из издательства. Говорят, что в Сере на почте уже неделю лежит-ждется авторский экземпляр моего нового «шедевра». «Сабра» – хорошо, но подержать в руках плод своих творческих мук – пожалуй, лучше! Заканчиваем

утреннюю «медитацию» и быстренько топаем на почту за посылкой. По пути заходим домой, и там я оставляю Масика. На почту собачек не пускают. Конечно, мой пёсик обиделся...

Почта только что открылась. Под табличкой «получение бандеролей» восседает симпатичная брюнетка с карими глазами. Её рабочее место отделяла от посетителей стеклянная перегородка с окошком. Девушка медленно и с видимым удовольствием раскладывала у себя на столе милые вещицы. Я нетерпеливо заглянул через окошко... Ну конечно! Пудреница, зеркальце, мобильник... Постарался и вымолвил с каталанским акцентом:

– Доброе утро, милая девушка! Как поживаете?

Привычно и безразлично взглянув на, как ей казалось, увлечённого ею мужчину, она взяла с полки первую попавшуюся поздравительную открытку и с обезоруживающей улыбкой всучила её мне, небрежно бросив при этом куда-то в сторону: «Наслаждаюсь жизнью»...

Да ладно, что ответила на иврите те самые слова, которые я на каждом шагу слышал в Тель-Авиве, – хотя это редкость здесь, на границе с Провансом и Пиренеями. С открытки глазел Масик... Время для меня остановилось. Бог с ней, с этой красавицей! Пусть себе любит свои пудреницы! Любоваюсь моим пёсиком на случайной открытке хотелось часами. И ведь как похож!..

Потом было много других примеров того, как люди наслаждаются каждым мгновением жизни. В Лиссабоне в магазине у кассы женщина болтает со знакомой кассиршей, а за спиной в очереди человек десять... Я уже был готов завопить на неведомом мне португальском! А люди из очереди спокойно

разговаривают друг с другом на свои темы. На лицах даже намёка нет на то, что они теряют время! Помню, подумал тогда: «А ведь они наверняка даже не знают, как зовут их премьер-министра!»

Всю свою жизнь моя мама проработала акушеркой и только во время войны была медсестрой в детском доме. Иногда ей приходилось раздавать детям еду на обед. Голод, холод, почти все болеют... Она накладывала в их тарелки кашу и чуточку оставляла про запас. А потом спрашивала: «Кому добавки?» Все тянули руки вверх и радостно уплетали эту самую «добавку». При любых условиях уметь создавать или находить что-то радостное – это так важно! Уже позднее на праздники она пекла для своих родных малюсенькие пирожки с капустой. Если найдёшь в нём шоколадную конфетку, то это «на счастье»! В каждом пирожке была шоколадная конфетка...

Богатство – это не то, в какой ты шубе ходишь, на какой машине едешь и какой мобильник у тебя в руках! Богатство – это здоровые дети, надёжные друзья, любимый человек и занятие, которое тебя увлекает! Если ты способен видеть, ходить, говорить, любить и каждое утро вставать с постели, чтобы сделать что-то хорошее, – ты сказочно богатый человек! Ты наслаждаешься жизнью...

Кто-то мудрый сказал: «Есть три ловушки, которые воруют твою радость: сожаление о прошлом, тревога за будущее и неблагодарность за настоящее».

А вообще, хорошо жить целых две жизни!

Я, например, так и делаю. Одна в мечтах, другая – в реальности. Это просто. Нужно только соблюсти два условия. Хорошее воображение и минимальная инерция любых переживаний. Хотя технология, конечно, сложна. Сначала нужно вербализовать воз-

можные варианты развития событий. Тех, какие тебе бы хотелось. Затем нужно их представить ярко, звучно, сочно и расположить в порядке значимости. Сделал? Уже хорошо. Ну а потом ждать! Это самое трудное. Не просто ждать, а при этом, как поётся в известной песне, «сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть». Тогда в распахнутое окно судьба забросит много чего. Целый поток возможностей! Главное не уменьшать их количество, торопясь принимать решение, выбирая то или иное. Судьба круче нас всех! Она сама подведёт тебя к правильному движению души. Однако вначале, повторюсь, нужно точно описать все свои желания. Зачем? Для того, чтобы не перепутать потом и сделать правильный выбор. Останется лишь руку протянуть!

Или вовремя отдёрнуть...

Не получится? Да и ладно. Инерция – ноль! Другую мечту придумаю! Но зато, если на меня вдруг счастье свалится с небес, то я, как мой маленький щенок, тотчас захочу плескаться в нём, разбрызгивая крупы радости.

Но всё это мило, если тебе не нужно ничего делать! Ничего из того, что не хочется. В таком состоянии очень любопытно наблюдать за событиями в мире. Именно любопытно. Ни больше, ни меньше! Только тогда ты не пропустишь залетевшую в окно почти невидимую «жар-птицу» Судьбы и даже успеешь ухватить её за перо.

Наверное, это не в последнюю очередь объясняется неким безразличием, что ли. С этим чувством я отношусь ко многому из того, что раньше представлялось мне важным. К примеру, могу с лёгкостью выключить ютуб или закрыть книгу без закладки

на самом интересном месте и пойти гулять с Масиком... Чувствовать всю прелесть настоящего! А уж как я люблю спать после обеда!.. Лишь бы слышать, что рядом храпит любимый пёсик и время от времени вздыхает от удовольствия.

Прелесть!

Когда ты всё время переживаешь за желаемое, ты не можешь наслаждаться жизнью, не слышишь и не чувствуешь её тёплое дыхание, в большом городе не замечаешь очаровательных и богатых историй маленьких улочек, не вдыхаешь аромат медового алиссума, посаженного вокруг памятников... Вместо этого ты создаешь никому не нужный избыточный потенциал твоего биополя. Оно заставляет тебя цепляться за мечту, а твой компьютер виснуть. Равновесные силы, согласно науке, «заталкивают» это биополе в тебя обратно и не дают того, чего ты так хочешь. Часто советуют: «Не переживай!» Глупая фраза. И, тем не менее, всё более чем логично и понятно. Вербализуй мечту и тогда сможешь ею управлять или хотя бы контролировать. Она не будет тебя цеплять, сдерживать и гасить всё остальное. Легко сказать! А попробуй-ка сделать! Есть люди, у которых всё получается, и Вселенная словно играет по их правилам. Большинство из нас не такие...

Сегодня особый случай! Как раз сама Вселенная приходит на помощь. Солнечная система находится именно в таком «рукаве» нашей Галактики, где совпадают скорости вращения вокруг её центра как всех звёзд, находящихся в «рукаве», так и самого «рукава». Редчайшее явление, надо отметить. В любом другом случае дополнительное мощное излучение просто убило бы всё живое и все их мечтания тоже.

Теперь помечтаем. Ровно в две минуты третьего озвучу желание, заранее продуманное и коротко сформулированное. Оно обязательно должно быть теоретически реализуемое. Использовать бумажный или иной носитель – это лишнее! Достаточно про-изнести вслух. Хоть шёпотом... Думаешь: «Чушь!» Не скажи! Всё дело вот в чём. При ограничении «желания» по времени и «массе» его импульс становится менее заметным и практически неопределённым. Опять эта неопределённость! При полной симметричности временной координаты это обстоятельство вполне может правильно сформулированному желанию добавить энергии. А её, наверное, будет достаточно для преодоления барьера. Вероятность тем больше, чем меньше набор желаний и энергии, которой недостаёт для преодоления высоты барьера. И ещё – чем уже потенциальный барьер. Вот это, третье условие случается раз в тысячу лет... Во как!

Следующая возможность такого «туннельного эффекта» появится только 3 марта 3030 года в 3 часа 3 минуты. Хотя наверняка есть ещё похожие сочетания цифр. Просто я о них не ведаю. Формализованная информация о предъявляемом требовании к желанию поступает из... Уж и не знаю откуда! Но, как мне кажется, это таинство происходит только при совпадении в одном мгновении целой череды на первый взгляд случайных событий: порыва ветра урагана «Глория» свыше 100 километров в час, звука от ломающегося рядом дерева и одновременных молнии и грома... Ну и, конечно, Галактика! Куда без неё! Солнечная система обязательно должна находиться в её рукаве Ориона.

Шучу!

Главное: во время вербализации желания должен греть камин, Масик – излучать тепло своей души, а холодная водочка согреть всё остальное... Тогда не сработает та самая «фига», которая напоминает здесь о себе почти на каждом шагу, и только тогда «вдруг запляшут облака...» и удастся проникнуть в недавно обнаруженные «трещины» в нашей, в общем-то, неприветливой Вселенной...

Впрочем, о чём это я? Причудливые изменения, превращения, необыкновенные стечения обстоятельств... Причём тут кактус «Сабра» и вся эта фантазмагория с наукообразием? А притом! В наш колючий век с его кризисами и вирусами, возрастающими частотами Шумана и падающими котировками мы даже не замечаем, куда бредём. Неуёмно увеличиваем свои притязания, боимся любить и слишком часто ненавидим, научились выживать, но не жить...

Аккуратненько надрежь колючую кожуру окружающего мира, порви на себе непроницаемую оболочку пагубных привычных эмоций и сквозь трещины и там, и там вдохни нежный аромат Жизни!

Реликтовое излучение

Рассказ

*После эры рекомбинации
материя стала прозрачной для
излучения, которое, свободно
распространяясь в простран-
стве, дошло до нас в виде
реликтового излучения.*

Шкловский И.С. Звёзды: их
рождение, жизнь и смерть.
М.: Наука, 1975

«Системное мероприятие» шло полным ходом. Все собрались в гараже, рядом с домом, где жил Дмитрий Васильевич, заведующий отделом горкома партии. Сегодня хозяин дефицитной недвижимости демонстрировал единомышленникам новое видение развивающихся во Вселенной социальных процессов. В прошлый раз говорили про политэкономию социализма. Как с ней быть и где найти самый тонкий учебник про неё, родимую? Основным «докладчиком» тогда был «экономист» – заведующий экономическим отделом.

Такое препровождение времени предоставляло собравшимся редкую возможность включать мозги и

думать о чём-то ещё, кроме как о рутинных мероприятиях. Последние годы в их работе почти ничего не менялось, и это заметно угнетало. Менялись портреты генсеков и периодичность выхода постановлений ЦК на одну и ту же тему. Ещё, пожалуй, с новой силой «кричали» грозные резолюции, для пущей важности украшенные красными штампами. Каждый будто бы понимал, что если тебе судьбой уготовано с места на место таскать камни, то ты хоть считай их или складывай как-нибудь толково... Это позволило бы фантазировать и порою вспоминать о таких цельных и давно забытых средствах психотерапии, как сарказм и ирония. В общем, «системное мероприятие» было приличной отдушиной для тех, кто, сидя в кабинетах с двойными дубовыми дверьми, каждый день по многу часов занимался одним и тем же делом, хотя и в новой красивой упаковке «с человеческим лицом». За этим «лицом» всё отчётливее просматривались незнакомые силуэты усердно насаждаемых сверху гласности, ускорения, перестройки и новой культуры питания. Начинало цениться свежее мнение. Оно ещё не звучало, но уже ценилось.

В то же самое время, совсем в другом измерении, там, где жила вся остальная страна, робкой поступью приближалась отечественная социология. Вместе с начальными проявлениями гласности, словно после первого дождя сквозь плотно укатанный асфальт общественного мнения стыдливо пробивались первые неформальные объединения. Многолетнее фактическое отсутствие выборности, как в партии, так и в государстве, необратимо подвигало общество к выборам всех и вся...

Дом, в котором жил «Василич», располагался в микрорайоне на краю города, в небольшом дворе. Вокруг

маленького сквера с давно не стриженными тополями стояли ещё пять зданий, по-разному выкрашенные и разной этажности. С земли можно было любоваться их крышами с пестревшими заплатами из мятых листов ржавого железа. Над самым высоким домом торчали большие металлические буквы лозунга «Слава передовой советской науке». Текст был очень длинным, и чтобы уместиться, буквы прикрепили впри-тык. Утром они сливались с крышей, и лозунг не читался. Но зато когда темнело, суть призыва легко угадывалась, хотя в последнее время она становилась попросту неприличной: многие лампочки перегорели, и от третьего слова осталась только первая буква, от последнего – три в конце... В углу двора укромно приютились три гаражика. Они никому не мешали и даже приятно дополняли неказистый архитектурный ансамбль. Из одного доносилась негромкая речь.

– Давайте наконец-то выпьем за «красный сдвиг» и «реликтовое излучение», – провозгласил хозяин гаража, приглаживая рукой всегда аккуратную причёску. Внешне он походил на бывшего французского президента Жискара Д'Эстена – этакий седой аристократ и интеллигент одновременно.

– Сразу за обоих? – искренне удивился «зампред», поправляя торчащие из-под рукавов пиджака манжеты розовой сорочки. Её нежные пастельные тона подчёркивали простые стеклянные запонки, в них отражался свет из-под красного абажура. Рубиновые блики то и дело слепили глаза собравшихся, отвлекая их от темы беседы...

– Иначе нельзя. Наука такого не терпит! – Дмитрий Васильевич Иванов начинал «системное мероприятие» для отдельных представителей верхнего эшелона аппарата горкома и горисполкома.

– Излагай. Хозяину не откажешь. Только не тяни, – опять за всех высказался «зампред».

«Философ» – так меж собой коллеги называли Дмитрия Васильевича – уселся на табуретке поудобнее, взял в руку кусок чёрного хлеба с докторской колбасой, аккуратно помазал его хреном и начал тост-доклад.

– Сначала, уважаемые коллеги, перед тем как вкушать плоды моих изысканий, предлагаю выпить просто так!

– Во как! – опять отреагировал «зампред». Тот факт, что в своей «епархии» он отвечал за гаражи и другой подобный дефицит, позволял ему чувствовать себя в качестве косвенного хозяина мероприятия.

Все выпили.

– Иваныч, следующий посыл будет посложнее, – «философ» персонально обращался к Владимиру Ивановичу Соколову, заместителю председателя горисполкома. – Он потребует терпения и безусловной веры на слово профессору-технарю с дополнительным историческим образованием. Согласен?

– Согласен, давай!

– Количество звёзд в каждый конкретный момент времени конечно...

– Обманываешь уважаемую общественность, – спокойно и безапелляционно заключил «зампред». Не поднимая головы, он с усердием раскладывал компоненты бутербродов на листе фанеры, уложенном на двух пустых ящиках.

– Точно говорю! Вещество – всего лишь конкретная форма существования материи. Следовательно, она конечна. Есть ещё одна известная нам форма – поле. Так вот бесконечен только переход вещества в поле и наоборот. – «Философ» сделал паузу, посмотрел

рел на всех трезвыми глазами, задержал свой пронзительный взгляд на почти пустом импровизированном столе, чему-то удивился и продолжил: – «Красный сдвиг» доказывает тот факт, что сейчас Вселенная расширяется. То есть когда-то очень давно, ну, чтобы вам было понятно, ещё до революции, она сжималась. Давление на всё и вся было сумасшедшее. Накопилась такая огромная плотность вещества, что оно стало неизбежно сталкиваться с таким же, но только очень редко встречающимся антивеществом. – «Философ» опять замолчал. Хотя можно было и не останавливаться: собравшиеся были более или менее образованные и с обострённым аппаратным чутьём. Они и так уже подметили в словах оратора нехорошую параллель с работой Ленина «Государство и революция».

– Это только лишний раз подтверждает, – вставил «оборонщик», – что ленинизм – учение единственно верное... Вообще, я имею в виду!

– Вот именно! Что имею, то и... – помощник первого секретаря горкома, боясь прервать основного оратора, оборвал на полуслове фразу из народного эпоса.

– Дальше – хуже, – «философ», не реагируя на «реплики из зала», продолжал лекцию. – Всё это плотненько уложенное хозяйство стало постепенно превращаться в электромагнитные волны, то есть в поле. А его ведь не видно... Давление на массы – электронов, конечно, – снизилось, плотность вещества сразу уменьшилась... Эти массы расслабились, раскрепостились и стали испускать свет наружу...

– И звук, – добавил «экономист». – Мы слышим его сегодня отовсюду, не только из ящика с экраном, а практически из любого умственного агрегата.

Полагаю, – он продолжил с важным видом, – это совершенно новое явление науки, в частности, и повседневной практики развитого социализма, в особенности!

– Это гласность! – будто играя в угадку, выкрикнул «помощник».

– Это «реликтовое излучение», а никакая не гласность. И его смещение в область именно красного цвета говорит о том, что звёзды разлетаются. – «Философ» явно обиделся на непонятливых слушателей.

– И до сих пор куски вселенной разносятся в разные стороны... – загадочно, с каким-то особенным пониманием сути процесса и с тоскою в голосе вставил уже прилично подвыпивший «оборонщик».

Надо отметить, что заведующий оборонным отделом весьма своеобразно понимал генеральную линию партии на ускорение техпрогресса и предназначение своего сугубо отраслевого департамента партийного комитета. Его часто видели «в поле», но вовсе не в парткоме и не у директора крупного предприятия, а где-нибудь в закоулках математического или биологического института, на обычной кафедре или в столовке технического вуза. Там он встречался с конкретным учёным, у которого в голове ещё только зарождалось что-то новенькое. Незаметный и незапоминающийся, как и подобает всякому, кто работает на безопасность страны, «оборонщик» высасывал из учёного его основную идею, усваивал, – а он это умел вне зависимости от названия науки, – и тут же «с ускорением» бежал напрямик на совещание к соответствующему главному конструктору...

– Пройдёт время, – продолжал «философ», – чтобы вам опять было понятно, нас уже освободят от должности, и вселенная начнёт сжиматься... Это

научный факт. Его можно фиксировать опять-таки по сдвигу. Только теперь уже в сторону синего цвета.

Все, не сговариваясь, привстали со своих импровизированных стульев и, с пиететом созерцая «философа», чокнулись чуть наполненными гранёными стаканами за семь копеек. Даже не закусили – ждали продолжения культпросвета.

Дмитрий Васильевич, будучи профессиональным лектором, знал, что нужно время, дабы у слушателей закрепился «усвоенный» материал. Он многозначительно замолчал, обводя общественность уже затуманенным взглядом.

– А вот если закончится нефть или, к примеру, цена сильно упадёт, её цена... То – кранты! Кушать будет нечего, – говоривший довольно громко рыгнул и, разводя руками, повернул к «философу» свою лысую голову.

– Молодец! – похвалил хозяин гаража легко пьянеющего, но, тем не менее, весьма эрудированного и всегда ясно мыслящего «помощника». – Именно так! Но до этого ещё далеко и это тема совсем другой лекции.

Гипотеза Дмитрия Васильевича сводилась к тому, что законы существования космоса, как он выражался, «пронзают» всё насквозь и не могут не отразиться на жизни «социума». Ведь Луна же влияет на людей своими отливами и приливами и ещё Бог знает какими заморочками в полнолуние... Умело используя метод дедукции, «философ» подводил слушателей к своему главному обобщению.

– Вот и у людей... То тоталитаризм, то сплошная демократия, то мощнейшая вертикаль власти, то беги куда хочешь, тащи, что хочешь! – уверенно и уж слишком популярно закончил хозяин гаража.

– То есть, если сейчас «вертикаль», то скоро будет «бардак»? Ты это хочешь сказать? – спросил «зампред». – Так его и сейчас предостаточно...

– То будет, как ты говоришь, «бардак» – не чета нашему, – ответил «философ». – Представляешь, что произойдёт, если начнут действительно избирать местную власть? Уже сейчас приходят письма от всяких доцентов-обществоведов: «Давайте избирать руководителей, давайте избирать всех!» Мы им, конечно, отвечаем, что, согласно марксистско-ленинской науке, это возможно только при коммунизме. А они опять за своё...

Кто-то приглушённым голосом пророка заключил:

– К власти придут учёные, скрипачи и писатели...

– А у меня на этот счёт своё собственное мнение, – «помощник» мгновенно переключался на новую тему. – Я думаю, они просто всё раздадут населению. Всё что есть! А потом хоть трава не расти! Главное нахапать и успеть убежать куда подальше... Не успеешь? Тогда, как говорили в фильме «Щит и меч»: «можно запросто схватить инфекцию».

– Не понял, – вставил «экономист», – так нахапать или всем раздать?

– Нахапать, нахапать!

– Хм. Так понятнее. При бардаке обычно всплывают уголовники. Они эту среду кишками чувят...

– А ещё финансисты, экономисты и юристы, – вставил «помощник».

– Так что первыми проявятся или бывшие, или будущие уголовники, а вовсе не композиторы, – не обращая внимания на обидную реплику «помощника», продолжал «экономист». – А что? Я так думаю... Это ведь реальная составная часть новой культурной

общности под названием «советский народ»... Почему не избрать таких? Купят всем по продуктовому набору...

– А аппарат всё равно сохранится! При любой «вертикали», хоть при тоталитарной, хоть при демократической, хоть при бандитах... Никто кроме нас! – «помощник» с пафосом выкрикнул девиз десантников. – Уж извини, Владимир Иванович, но ты же знаешь, все всегда звонят в райком, а не в твой дворец! – Его явно потянуло на аллегории, и он продолжил, выдав видимо заранее продуманную тираду: – Разлагающийся от интриг верхушки партии, аппарат постепенно превратится в «мужиков» на зоне, в своего рода кучу пауков, обволакивающих своими секретами всю руководящую «вертикаль». А?

– Где же «Первый» будет зачитывать твой опус? – с насмешкой в голосе спросил «экономист».

– Да нигде! – вместо «помощника» ответил «зампред». – Просто наш писатель так компенсирует пагубное влияние своего вредного цеха на психику... А страна в это время будет разлетаться на куски, как твоя Вселенная, – добавил «зампред», тыча пальцем в «философа», – их подберут те, кто побогаче, и ку-ку.

– Если успеют! – опять загадочно произнёс «оборонщик». – Ракетки всякие ведь тоже достанутся кому не попадя. Только ленивый не нагнётся подобрать...

В железные ворота постучались. «Философ» встал и направился к выходу. В гараж вошёл парень лет тридцати пяти, в руках тяжёлые сумки, а глаза с любопытством осматривали непривычные хоромы.

Внутри гаража было уютно. На стенах, обшитых вагонкой, будто серпантин, висели разноцветные провода. В углу на полу стоял электрический масляный

камин со светящимися искусственными угольками. От него в середину помещения мощный вентилятор гнал тёплый поток воздуха. С потолка над фанерой с закуской свисал старый красный абажур. Он освещал бутылки, стаканы и бутерброды, сохраняя вокруг простого натюрморта лёгкий полумрак. В нём то и дело поблёскивали запонки «зампреда». Пахло водкой и докторской колбасой. Никто не курил.

– Вауля! Прошу любить и жаловать, – Василич вытянул вперёд руку и указательным пальцем упёрся в грудь вошедшего. – Кондратьев Андрей Михайлович. Почти мой второй зам, успел чуть-чуть побывать в Афгане и... даже вернулся, недавно вывозил группу туристов к натовцам... Снова не бросил Родину... Опять вернулся! То есть, я хочу сказать – проверенный кадр.

Андрей протиснулся вглубь гаража, подошёл к фанерному листу и выложил на него всё, что было в сумках: бутылки с водкой, полиэтиленовые пакеты с квашеной капустой, чёрный хлеб, кусок сала и бутылку вражеского зелья – виски, привезённую из недавней заморской поездки.

– Здравствуйте, товарищи! – Кондратьев вспомнил смешное приветствие, услышанное им когда-то в райкоме на таком же мероприятии, и продолжил его, показывая ладонью, чтобы при его появлении никто не вздумал вставать. – Сидите, сидите! Меня зовут Андрей.

– Бог ты мой, Андрюха! – вскрикнул «зампред».

– Владимир Иванович! Вот это да-а-а! Пять лет! – пропел Когдრатьев, покачивая головой и с трудом продвигаясь к своему бывшему райкомовскому начальнику. Они крепко обнялись. Все одобрительно заголосили.

– Возвращение блудного сына...
– Вот они, достижения пятилетки!
– Василич, ты молодец. Правильный выбор. Ты ещё не знаешь, что Андрюха может за один день закрыть десяток постановлений ЦК сразу?

– Ну, ладно, однополчане, наговоритесь ещё, – «экономист» прервал поток эмоций. – А ты, Андрей, встревай в тему. Свежая мысль нас облаго-да... облагода... Ой, обла-го-родит. Вот! – Через секунду-другую он с явной тоской в голосе добавил: – Но как хочется блага!..

– Иваныч, а я и не подозревал, что ты вместе... – не успел закончить хозяин гаража. «Зампред» гордо поднял голову, повернул её чуть влево, как это проделывал бывший первый секретарь горкома, когда, стоя на трибуне очередного пленума, отрывался от текста доклада:

– Не нужно подозревать. Нужно чаще просматривать дела подчинённых и быть уверенным, что люди обязательно встретятся, если они идут вперёд по большаку, а не виляют потаёнными тропами.

– Вот видишь, Василич, твой гараж сегодня самый большой большак! – сострил «оборонщик».

Все поднялись и выпили за новенького, а после и за самый большой большак. Подуспокоились и постепенно стали возвращаться к теме дня.

– Всё дело в том, – первым начал «экономист», – что «избранникам народа», да ещё и нахалюву избранным на волне перемен, власть не нужна. Так, побаловаться и только. Наверху всегда нужен тот, для кого власть абсолютная ценность. Тогда это власть! И он её ни на что не сменяет. Ни на «жигули», ни на дачу...

Кто-то с трудом произнёс:

– О чё-ём ты говоришь? Какие там «жигули»!

– Точно! Зачем «жигули»? – продолжал «экономист». – Вчера в обед вхожу в наш буфет – чуть не помер! Показываю Клавке на парня молодого, мол, это ещё кто? А она мне шёпотом говорит: «Отдел науки»... Ну, думаю, ускорение! Ведь и бюро не заседало. Ещё вчера вечером ты, Василич, а утром уже этот. Есть не стал, пошёл разузнать. Точно! Твой, Василич! Видать, из свежей струи, из мэнээсов. Так вот, минуя школу райкома, прямёхонько в горком, в серпентарий аппарата.

– Что ты хочешь? Новое мышление! – добавил всезнающий «помощник». – Из завлабов прямо в министры! Из мэнээсов – в горком! Такие за полущку хлеба и сдадут врагу Родину!

– Мне уже рассказывали, – заулыбался Дмитрий Васильевич, – это мои новенького решили подучить. А то орготдел теперь берёт слишком молодых да слишком умных, со степенью и лауреатов всяких премий... Он завсектором науки. Ему и сказали, мол, чего ты с нами сидишь, ты же заведующий, ваш буфет отдельный, всё без очереди, официантка обслуживает...

– И купился? – не выдержал «помощник». – Вот дебил!

– Ну что ты! Не сразу. Сомневался. Его прямой начальник, мой заместитель, ведь со всем отделом сидит за одним столом...

– Но приставочка «зам» сыграла с ним свою роковую шутку, – закончил писатель всех выступлений «Первого». – Конечно! Он же «заведующий», без всяких там приставочек! А это звучит гордо! И не важно, заведующий чего!

– Ну ладно, за этот курс молодого бойца тоже следует выпить, – «философ», как бы подводя про-

межуточный итог, вдруг произнёс: – Нужно и то и другое! Иначе не успеешь оглянуться, как пять лет пролетят в одно мгновение, и света божьего не увидишь! «На кой такая жизнь?» – спрашивается в задачке.

Все переглянулись. Было заметно, что никто ничего не понял. А потому никто и не выпил. «Помощник», гордо подняв голову, отчётливо вымолвил: «Пьём только по существу вопроса!»

– Вот он у меня и зародился, простой и естественный вопрос. Я спрашиваю: «когда и что?» – многозначительно произнёс «оборонщик». – Нет, я спрашиваю: «Когда и что именно?» И как их вовремя увидеть, твои «красное» или «синее» смещения? Может, ещё и «белое» есть? Тогда понятно, к чему ты клонишь... Всё это белогвардейские штучки...

– Вот ты убиваешь меня этим вопросом! – от безысходности «философ» махнул рукой. Спасая профессора, «зампред» уточнил:

– И вот я ещё так скажу: «избранники», дилетанты от власти, убегают легко, а вот профи задерживаются надолго...

– А как там, в космосе? Что дольше: сжатие или расширение? – «помощник» спросил Васильича, будто что-то важное, тревожное для себя лично.

– Если быть «последовательным марксистом», и ещё с учётом аналогий, то согласно ранее выдвинутой гипотезе и наблюдениям «зампреда», конечно, сжатие.

– Это с учётом феодальной эпохи, или без неё? – съязвил «зампред», расстроенный от того, что никто не оценил только что придуманное им понятие «дилетанты от власти». Теперь он явно намекал на новую историческую специализацию профессора-

технаря. История ведь не физика! Тоже наука, но уж больно от всех зависит.

Ответа не последовало. В это время Дмитрий Васильевич тихо подкрался к молчавшему «экономисту», чтобы посмотреть, как тот играет в модную игру, и прямо в ухо громко прошептал: «Ты чего? Всё фигурки расставляешь! Не надоело на работе?»

– А я не могу остановиться так сразу, как ты. Функция заряжена и я весь в ней. Вчера приехал один оттуда, – «экономист» показал пальцем на потолок, – говорит: «Много неэффективных институтов у вас, надо сокращать! Например, институт археологии». – Это твой, Василич, – пояснил заведующий экономическим отделом, – академический... – Подождав немного, «экономист» завершил мудрые слова московского «гостя» – «Эти копают в Псковской области. Вот пусть туда и едут...»

Никто из собравшихся в гараже даже не поморщился. Выучка!

– Теперь упражняюсь встраиваться в меняющуюся конфигурацию власти. Не-ет! Лучше не выходить, а то «руку собьёшь», – закончил «экономист».

– Ой! Знаете этот анекдот? – радостно вскочил «зампред». – Андрюха, ты-то должен его помнить. Мужик приходит в рюмочную. «Мне сто пятьдесят водочки и селёдочку с лучком»...

– А что, Василич, давай в следующий раз с селёдочкой! А? – протирая галстуком очки, вставил «помощник». – Я груздей принесу солёненьких и картошечки разваристой со сливочным маслом и укропом...

Все сообразили, что товарищ явно работал раньше в райкоме и знал толк в системных мероприятиях.

– Лука репчатого не забудь нарезать и посыпать грибки, – задумчиво произнёс «оборонщик». – А то

мои теперь всё чаще пьют спирт с чаем прямо из стаканов в подстаканниках и закусывают кусочками сахара...

«Зампред» продолжал:

– ...Продавец подхватил бутылку, сходу плеснул в стакан, взял деньги и ждёт. «Т-а-ак! – говорит мужик, – контрольная закупка». Померили – 130. Штраф пять рублей! Проходит день. Опять появляется тот же мужик: «Мне водочки 150...», – «зампред» с пониманием посмотрел на сидящих вокруг, – ладно, без селёдки. Продавец снова взял бутылку, изящно взмахнул ею и налил. – Стоп! Проверка. – Вышло опять 130. Ещё штраф! На третий день контролёр приходит и говорит: «Слушай сюда. Я контролёр, мне 150 водки». А продавец одним движением – бульк! Снова 130. «Ты чего, дурак, что ли? Я же сказал: я контролёр, тебя же штрафами забью...» А продавец ему так спокойненько: «А мне дороже руку сбить».

Никто не смеялся. Все почему-то умолкли и уже пропустили два предложения выпить. То ли рассуждали про бедного «экономиста», который никак не отойдёт от повседневной дури, то ли о грядущем большом бардаке...

– Тогда пруд за окном почему-то покрывался зеленоватой рябью и напоминал болотце, – тихо и задумчиво произнёс «экономист», видимо вспомнив цитату из какого-нибудь романа. Он закончил игру в «тетрис» и вышел из гаража покурить.

За ним увязались Андрей и Соколов. Сначала два бывших сослуживца обмыли косточки всех своих коллег по райкому. Особо прониклись успехами бывшего заместителя Соколова. Ещё бы, он одних взносов партийных сдал на пару «жигулей». И с чего?

С самодельных конфет! Вот он, техпрогресс в действии!

Соколов часто встречался со своим бывшим замом и поэтому знал все премудрости технологического процесса его обогащения. Тот варил в кастрюле сахар и делал из него пушистые комочки на палочке, потом покупал разноцветное драже, крошил его молотком в мелкую крошку и посыпал им это чудо... Детям такую красоту возьмут за любые деньги!

«Зампред» повернулся к «экономисту» и пока никого не было рядом, неожиданно серьёзно спросил.

– Слушай, а как же вы думаете с планом-то быть? Ведь не будет плана... Весь город не выполнит практически ни одно задание...

Соколов произнёс эти слова с болью в сердце, как Сталин Жукову в самые тяжёлые для Москвы дни. Потом в памяти у Кондратьева ещё долго крутились, как ни странно, совершенно трезвые слова «экономиста».

– Иваныч! У нас в стране «режим»! А где режим, ты же знаешь, там все правила, гласные или негласные, устанавливаются сверху. Неужели ты думаешь, те, что наверху, не знают об этом плане и о том, что его в этом году не будет нигде. Тебе же не нужно рассказывать, для чего сидят там эти министры и члены правительства, твой председатель исполкома и такие же, как он по всей стране. Разумеется, для счастья народного! Так что же ты хочешь от их низших структур? Они тоже работают только для этого. Чиновничья сеть внизу такая же, как и на самом верху, при всём своём кажущемся различии...

Кондратьев уже в который раз за последние несколько лет вспомнил про Инструкцию «о деле-

производстве». Она точно одинаковая для всех! Поэтому и аппаратная паутина любой власти всюду одна и та же ещё с четвёртого года советской власти. Через несколько лет работы Андрей стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает в аппаратном сообществе, – враждебная среда. Никто не ринется сломя голову вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных исполнителей. Слишком быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для пущей гласности и минимизации ответственности руководства. От каждого нужно ждать только плохого. От заявителя – повторного письма, от соседей – двукратной жалобы по любому поводу, от коллеги – конкуренции, от начальника – кучи дел, от секретаря парткома первички – ошибок, от директоров предприятий – письма из районного КГБ о том, что инструктор райкома Кондратьев, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Кондратьева, – обострённое чувство опасности и способность её фиксировать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку, по всему тому, что может двигаться и изменяться. Он хорошо помнил, как его бывший начальник Соколов, беседуя на досуге с непонятливыми новенькими инструкторами и подражая Чапаеву, спрашивал: «Ну, кто ты есть такой? Ведь не руководитель коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти! Ты ничего не можешь приказать или

решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать. Но что занимательно? – После этого риторического вопроса заведующий делал паузу и весь преображался. Лицо становилось светлым, в глазах появлялся шаловливый блеск, такой же, как от его вечных запонок на манжетах сорочки, не белой, как положено, а обязательно пастельных тонов. Он поворачивал голову чуть влево и приподнимал подбородок. Все сразу напрягались и вытягивались в струнку. А как же!? Ведь тогда именно так смотрел на членов горкома первый секретарь. – В чём таинственность и радость нашего существования? – заворуженно продолжал начальник. – А в том, дорогие мои, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет, или хотя бы украшена его автографом в уголочке слева наверху».

Теперь-то Кондратьев прекрасно понимал, что именно здесь, в документообороте, зарождается власть аппарата, власть функционера! Именно здесь в текст документа незаметно закладываются неопределённости, а потом на них нанизываются интриги и, в конце концов, порождаются и накапливаются проблемы. Именно в этом омуте захлёбываются идеальные взаимоотношения, тонут благие намерения, размывается изначально заманчивая идеология, гибнет любое дело. В этом – момент истины!

Правда, к пониманию истины каждый приходил в своё время, кто быстрее, кто медленнее, кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу, будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела её всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифи-

цировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее, неприятный и приглушённый хлопок надолго оставался в памяти всех, кто был рядом...

Андрей вдруг вспомнил, где он, встрепенулся и отбросил всю эту кутерьму с партийными изысками. В логическое продолжение его воспоминаний громко прозвучали слова «экономиста».

– ...Поэтому всё продолжается и держится прочно, – «экономист» заканчивал излагать «зампреду» своё понимание современной действительности. – Те, кто пошёл в чиновники и старается что-то порядочное сделать, конечно, вызывают уважение. Но это «народничество», Иваныч. Оно не делает погоды. Такие были и раньше, как ты знаешь, и считались, чуть ли не дурилками «идейными». В общем, пока не поменяется режим, его составляющие, понятное дело, тоже не изменятся. Идут другие процессы, Иваныч, более мощные, чем планирование, украшенное плановой дисциплиной. Забудь о работе в своём райкоме. Сейчас уже и знамён-то вроде как нет...

«Зампред», узнав про самое святое для него ещё с промышленного отдела райкома, махнул рукой и вернулся в гараж.

«Экономист» заканчивал курить. Подъехала старая «Волга» соседа Васильевича по гаражу. Из неё медленно вылез пожилой мужчина с авоськами в руках. Он устроил их около дерева и стал отвязывать от багажника на крыше машины невесть где собранные разные маленькие досочки и железки.

– Василич тут? – вместо приветствия, будто пароль, спросил старик и мотнул головой в сторону гаража «философа».

– Здесь, здесь. Он всё время здесь, – как-то задумчиво ответил «экономист». Потом повернулся

к Кондратьеву и, глядя ему прямо в лицо, сказал: – А вот о каких-либо изменениях в самом «режиме» не знаю, старик. Не положено! По радио скажут...

Эти слова относились к нему. Мол, он самый молодой, ему и расхлёбывать кашу.

– Думаю только, что теория нашего дорогого «философа» на практике не будет реализована. – «Экономист» выбросил в урну окурков, ещё раз взглянул на Андрея, ничего не сказал и вернулся в «конференц-зал».

Здесь дискуссия была в самом разгаре и уже клонилась к развязке. Пили, не чокаясь, в разную, кто за что... Кто-то даже начал смолить прямо в гараже. Но запах докторской колбасы и репчатого лука явно побеждал. «Помощник» уже покинул свою табуретку и взобрался на стоящий у стены верстак. «Оборонщик» находился около стола и что-то вылавливал в своём стакане, пытаясь по очереди использовать и вилку, и нож, и отвёртку. Дмитрий Васильевич стоял со стаканом в руке. На его лице была радость от умиления. А умиление – от окружающей теплоты искреннего общения, напомнившего ему родную и более привычную среду учёного сообщества.

– Так вот я думаю... И даже не постесняюсь этого совсем не нашего слова, уверен, что на самом верху есть «Тот», – Василич произнёс это слово с таким почитанием, будто говорил не иначе как про Ленина, – кто всё это видит и изредка, когда приспичит, меняет вектор общего движения. Вот и сейчас, я чувствую кишками, как он будто железнодорожную стрелку... переставляет на другой путь.

– Ты, Василич, слова перепутал, – сказал «помощник», сидя высоко на верстаке и болтая ногами. – Это уже писал один, перед тем как его киркой

шлёпнули в тёплой Испании. «Чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает генеральную линию партии, как пожарный — свою кишку...» А вот стрелка? Так она, родимая, нам всем ещё предстоит. И именно там, на «самом верху»...

— Ну какой, к черту, техпрогресс и ускорение? — без всякой увязки с предыдущими озвученными мыслями произнёс вошедший «экономист». — Техпрогресс делается или в лагерях, как при Сталине, или там, где у тебя всё есть, даже если ты его не делаешь.

— Проснулся! Мы ведь не про него, — по-прежнему старался корректировать выступающих «зампред». — Ну, если разве что для примера...

— Я, к примеру, недавно читал свежее цековское постановление про техпрогресс. — Это уже Кондратьев позволил себе высказать собственное суждение на уважаемом кворуме. — Нам придётся делать такое же, исполнительское. Слово в слово, Иваныч, то, что мы писали в райкоме ещё пять лет назад. Через полгодика я сбацаю справку, уважаемый Дмитрий Васильевич подмахнёт, а наверху, в уголочке, снизойдут и выведут ненавязчивое словцо: «Согласен». Всё! Как и не было никакого постановления! Вот и весь техпрогресс! А то, что мы это сделаем на этот раз с ускорением, которое от всех нас требует партия и её генеральный секретарь... Полагаю, в этом никто не сомневается.

Все повернули головы к Кондратьеву. Тот до сих пор молчал, а тут вдруг осмелел и разговорился. Кто-то вымолвил:

— Ну, ты могёшь, Василич. — Непонятно, что имелось в виду — то ли то, что Василич подмахнёт бумагу, то ли вообще, о жизни, об этом гараже или о чём другом?

– Какие кадры! – добавил «экономист».

– А я думал, он здесь, потому что виски привёз из-за бугра, – добавил «оборонщик».

«Философ» опять встал со своей табуретки, схватил кусочек колбасы и вдруг выдал самое сокровенное. То ли не выдержал и раскрыл свою самую главную вымученную годами тайну, то ли Кондратьев и «зампред» своими одинаковыми райкомовскими повадками так подействовали на него.

– Я вообще считаю, что человек способен жить одновременно в нескольких мирах: видеть один мир, слышать другой, а физически тело живёт в третьем. Но из-за невозможности синхронизации ощущений возникает стресс...

– Василич! – «помощник», всегда гордясь тем, что почти всё пишет для своего босса, со знанием дела вставил. – Этак вот, живя в разных мирах, вообще нигде никто и ничего делать не будет. – И тут же многозначительно добавил: – Всё-таки какой мощный русский язык! Тройное отрицание! Как тут добьёшься выполнения написанного, если его можно трижды абсолютно литературным языком послать по известному адресу.

– Вот и я не могу синхронизировать три очевидных факта, – начал свои логические построения Соколов, – вижу, что толково сижу здесь с друзьями, слышу интересные речи, сердцем чувствую яркие и искренние переживания, а внутренний голос прямо физически, как обухом, бьёт меня по башке... Водка-то закончилась!.. И от этого у меня, конечно, возникает стресс.

– Кто у нас самый маленький? – пробубнил «помощник», подпирая спиной утеплённую стену гаража. Все завертели головами, с надеждой и одновременно

менно с уверенностью устремили свои помутневшие взоры на Андрея.

Тот, не оспаривая очевидный факт, отправился в магазин за «продолжением».

Он быстро и уверенно шёл к ближайшему гастрому, где по новым законам уже два часа как не должны были продавать алкоголь. Но поскольку кроме алкоголя там почти ничего не было, то сохранялась высокая вероятность выполнить данное ему партийное поручение.

«Почему? Почему не уйдут? – задавал себе один и тот же вопрос Кондратьев. – Ведь понимают всю бесполезность... Да, это не диссиденты, которые с разбегу напрыгивают на власть, а потом сжигают себя на Красной площади в знак протеста. Каждый личность. За спиной биография! Они по-своему что-то пытаются сделать, что-то изменить... И всё же. Образ жизни не хотят менять? Руку не хотят сбить? Как они все притихли после этого анекдота!»

«А сам-то?» – тихо произнёс Андрей.

Парикмахерская напротив...

Эссе

В этом милом городке Сере набрали мы с Масиком на чудную парикмахерскую “Coiffure Martine”! Здесь «без записи», и сразу всё поняли, достаточно было обнажить голову. Масик всласть набегался по салону. А я наконец-то постригся и наговорился по-французски про всё на свете...

Смотрю в зеркало, а кажется – куда-то в прошлое, и чуть заметная ухмылка не сходит с лица... Так бывает, когда только думаешь улыбнуться. Хочется приподнять руку, поприветствовать и, слегка пошевелив пальчиками, тут же проводить Былое... Всё – и пахоту 80-х на благо всех, и жуть 90-х и нулевых... Псевдобизнес, деньги, наезды, и снова деньги... Смерти одногодок... Каждый день, будто ты на солнечной поляне, усыпанной разноцветными игрушками... А чья-то артиллерия усердно пристреливает цель. Недолёт, перелёт... Недолёт, перелёт...

И совсем не странно и не больно сознавать: то, что некогда для тебя было всем, – оно позади...

Ни за что на свете не хотел бы стать моложе ни на двадцать и ни на тридцать лет! Сейчас я намного счастливее. Я точно знаю, что мне нужно и без чего я могу прожить, а без чего – нет!

Уходить нужно вовремя! От прошлого, от мрачных мыслей и от горьких воспоминаний, от отношений, изживших себя, и от людей, разрушающих вас. Помнить – да! Но не растворяться в них. Мы часто забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жёны, ни дети или внуки, ни друзья или возлюбленные... Мы можем только чем-то делиться с ними. То и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас уберегла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Даже чудеса. У Роберта Рождественского есть такие строки: / А солнце не восходит, а взлетает, / Земли мне почему-то не хватает. / Верю я теперь в чудеса, / Трепетно стремлюсь в небеса... /

Если тебе повезло, и чудо случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, – с самим собой! И не стоит искать её снаружи. Она появляется изнутри. Это то, что может быть только в твоём сердце. Это не новая работа, не новая машина или новый брак. Гармония – это мир в душе, и он зависит только от тебя. Нужно оставаться самим собой. Со своими недостатками и слабостями, со своим мировоззрением и ценностями. Быть счастливым с собой. Хотя бы потому, что это самые длинные отношения, которые у тебя есть.

И ещё. Глупо ждать, что придёт время, и станет легче, проще, лучше... Время не приходит, оно только уходит. Нужно учиться быть счастливым прямо сейчас! «Увидеть мир в одной песчинке и Космос весь – в лесной травинке! Вместить в ладони бесконечность. И в миге мимолётном – вечность!» (Уильям Блэйк).

Ну вот! Постригся...

Дыхание времени

Эссе

Поздняя осень. Португалия. Берег океана. Ощущение безграничности и покоя проникает в душу, наполняя её восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. Далеко за горизонтом Америка...

Так же вот стоял и любовался, только давно это было. И океан был другой, а Америка – рукой подать, за Беринговым проливом. То была самая восточная точка Евразии – мыс Дежнёва. В часе на вертолёте бухта Провидения...

Теперь – самая западная точка континента – Кабо да Рока! Час на автомобиле, и – Лиссабон. В переводе «бухта Благоденствия». Что-то здесь есть мистическое... Между «Провидением», по сути, в начале самостоятельной жизни и «Благоденствием» сегодня почти полвека бурного бытия. Половина этого времени – эпоха перемен. Кажется, чего проще! Садись в самолёт: Бухта Провидения – Анадырь – Тикси – Москва – Лиссабон, так за солнцем и лети себе... Даже не заметишь. Один миг! Время в полёте такое же, что и разница во времени – двенадцать часов...

Нет! Тут всё как-то само случилось. Или Судьба распорядилась? Не сразу, конечно, минуя целый пласт спрессованного времени – долгий путь духов-

ного поиска. Этаким «Серединный путь». Особенно в девяностые! Шаг в сторону – пропасть! Не ломать преграды на своём пути, а «немедленно ждать», не уменьшая количество возможностей. Это чем-то напоминает сёрфинг. Там тоже нужно удержаться на вершине волны, постоянно чувствовать всё вокруг: прибой, порывы ветра, брызги и, конечно, самого себя... Если это удаётся, значит, ты владеешь некой Тайной и легко скользишь по волне жизни.

Замечу, и сегодня, и тогда не открытая вода, а именно бухта – защищённый от волн приют души. Понятно, почему. Потому что только в уединении проясняются и Благоденствие, и Провидение.

Триста миллионов лет назад именно здесь разделились две тектонических плиты. Целый континент отошёл... Северная Америка. На краю Старого Света виден лишь обнажившийся скол земли – свидетель того природного сдвига. Учёные говорят: «Соединятся потом... Чуть развернутся, но обязательно соединятся». Только когда? Два сантиметра в год!? Опять миллионы лет? Однако, если вдруг что-то внешнее и очень мощное повлияет... Тогда всё может случиться очень даже быстро. Правда, в таком случае плиты, как и люди, не успевают привыкнуть друг к другу и, «больно» притираясь, образуют новые горы. Где-то здесь, вблизи Лиссабона, на прибрежной равнине в низовьях реки Тежу они и появляются...

Мир так придуман. Всё может быть! Осенью на берегу океана это чувствуешь особенно! Рядом с тобой творится чудо. Видишь дальше и глубже. Разгневанная, вспенившаяся волна, подбравшись к берегу, гаснет и растекается по песку. Тонкая водяная плёнка соскальзывает обратно в океан, будто в сказке,

оставляя на берегу совсем безобидную, уже ненужную белую воздушную пену. Одно мгновение на мокром песке видятся летящие облака и успевают порезвиться слабые лучики уходящего дня. Вдаль и вширь вдоль скола земли на многие километры тянутся дюны и гладь воды. Перед закатом они незаметно переходят друг в друга, и кажется, что ты уже где-то там, далеко-далеко, по ещё сверкающей дорожке на поверхности океана несёшься за солнцем и пытаешься его удержать.

Увы, рано или поздно всё, что мы хотим сохранить или удержать, шатается, рвётся, утекает сквозь пальцы. Но именно это хрупкое непостоянство делает нашу жизнь такой необыкновенно красивой, как уходящий день. Закат, пожалуй, единственное явление природы, которое позволяет видеть Время. Не только чувствовать, как, к примеру, наступление Нового года или очередной День рождения, но и реально увидеть. Причём видеть по-разному, каждому по-своему и всегда сквозь личные переживания, будто истинное произведение искусства. Восход тоже красив, но ведь новый день только начинается. А Время особенно ценно, когда его мало. Конечно, есть ещё движение светила по небосклону... Но здесь нет зримой утраты, нет естественной грусти по уходящему дню, по проводам Солнца за горизонт...

Самая большая печаль – ощущать необратимое течение времени из прошлого в будущее. Грустные мысли и чувства ничто по сравнению с этой общей для всех утратой. Они просто гасятся одной огромной эмоцией. Наверное, потому и сказал Экзюпери: «Когда тебе грустно, хорошо смотреть, как садится солнце».

Хоть и сказал Вийон ещё полтысячи лет назад: «Не придумано аркана, чтоб удержать мгновений бег», но так хочется остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний!

Вдруг сразу вспомнились комсомольская юность, Арктика... Оглядываюсь сейчас: нет рядом свежей кромки льда, запирающей выход домой из моря Бофорта. Не слышен жуткий гул обрушающейся глыбы айсберга, нет заснеженных вершин Чукотки и Аляски, разделённых Беринговым проливом со скалой «Прощай» посередине... Почему-то вдруг здесь, под Лиссабоном, а не у станции Боярка представилась та самая узкоколейка, которую строили первые комсомолы для спасения Киева в сорокоградусный мороз... Протянулась вдоль всего берега океана. Узенькая такая... С одной единственной стрелкой под номером «13». Будто неймётся кому-то. Катает туда-сюда вдоль скола материка бесечно загорающих, как бы напоминая о трагедии «природного сдвига»... И о том, что сдвиг этот не только в прибрежных скалах, но и в душе каждого.

Мы ведь даже не замечаем, что бредём куда-то в пропасть. Неуёмно увеличиваем свои притязания и сокращаем ценности, мало читаем и, общаясь «смайликами» и «иконками», отрезаем себя друг от друга, боимся любить и слишком часто ненавидим. Не поспеваем за реальностью, а она тотчас жестокой оплеухой всё расставляет по своим местам. Вот уже Солнечная система начинает выходить из тёмного рукава нашей Галактики в зону с другими энергиями. Вспышки на Солнце и магнитные бури ускоряют «пульс планеты» – резонансы Шумана... Одновременно резкие, дикие социальные перемены накапливают в нас страх, обиду и раздражение. Гаснет тепло

души. Она становится колючей, застывшей, её дыхание уже не поспевает за «волной Шумана» – своеобразным «ритмом жизни» планеты. И за это Земля медленно, незримо, но неотвратно отторгает нас от яви, уводя в сны. Мы становимся лишними и беспомощными, как пена прибоя...

Но вот наступает утро, и вдруг замечаешь, что здесь повсюду цветёт вереск! А хвойный лес вблизи океана какой-то особенный. Утром, был ночью дождь или его не было, он одинаково влажен. Пар в лесу виднее в солнечных лучах, насквозь пронзающих густые ветви елей и сосен. Он рождается, быстро исчезает, потом снова накрывает длинные зелёные иглы прозрачной вуалью, будто это учащённое дыхание планеты. Всё вокруг нежное и живое. На нижних лапах елей хрупкие паутинки. Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами, окропляя ярко-лиловые цветы вереска.

Пройдёт год, потом другой... Время унесёт с собой и плохое, и хорошее, оставляя лишь пену на берегу. На месте сорванного стебля вереска обязательно появятся новые побеги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий – лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых...

Не в единении – наедине с самим собой...

(Вояж по двухтомнику «Избранное»)

Эссе

Слишком долго довелось мне заниматься кризисами. Это формирует какой-то особенный взгляд на обстоятельства и людей, в них оказавшихся, заставляет всматриваться в мелочи, зачастую тонуть в их омуте и потому не спешить с принятием решений. Дьявол, как говорится, в мелочах! Не всегда поймёшь, какая из них взорвётся. В кризисе главные проблемы ясны сразу, но только не их «носителям». Личность и общество, друг и враг, мужчина и женщина, владельцы бизнеса и управленцы или их подчинённые... Всё это «носители проблем», в силу тех или иных причин оказавшиеся в неопределённости кризисной ситуации. Все они – следствие сложных отношений. И причины их не в «слабой любви» к женщине или ненависти к врагу, в отсутствии профессионализма в деле, недостатке или избытке денег, не в ошибках в производственных технологиях... Тут у них чаще всего всё хорошо! И чем лучше обстоят дела, чем сильнее любовь или ненависть, тем сложнее таким людям найти выход из вдруг, откуда ни возьмись, образовавшегося кризиса. А чем острее

кризис, тем опаснее выход из него. Война, политика, любовь, поиск самого себя, особенно на перепутье эпох... Социопроблемы, отношения между людьми, так или иначе связанными между собой, – не их профессия! Тут вроде как и так всем всё ясно... Только одно «но»! Уж больно часто все они волею судеб оказываются «в одиночестве». Не «одинокими», а именно «в одиночестве»!

Почти все герои моих книжек там оказались из-за сложившихся обстоятельств. Правда, видят это одиночество не все, а если и чувствуют что-то, духовных сил хватает не у каждого. Потому и выходят из него все по-разному... Кто мучительно, но счастливо, как офицер, партизан-одиночка Астахов из «Дальтоника» или четырнадцатилетний «власовец» Василий со своей сестрой Зиной из повести «Одна на всех...». Четверо друзей-одноклассников из «Реальной четвёрки» хранили общую тайну, которая потом разъединила их и, по сути, обрекла на «одиночество». В результате почти все нашли свой выход из кризиса. В девяностые прошлого века, на перепутье, многие не сумели найти себя! Так случилось с Дворским, учёным, горе-бизнесменом из романа «Тандем»... У этого в итоге даже случилось раздвоение личности. И вроде как в обществе пребывал и всё ему нравилось... Процессник! А аппаратчик Кондратьев из рассказа «Реликтовое излучение»? Он ведь так и не прорвал кокон виртуального общения. Не хватило духовных сил. Не скопил. Так же, как писатель и Антон из рассказов «Глава первая» и «Последние капли дождя»... Каждый день совершая героизм на маленькой «сессне», летая между заснеженных вершин Альп, Антон не смог справиться со своим Я в обычной жизни, испугался, исчез...

И Бодлер, и Вийон из повести «Танец Психеи» – тоже. Хотя и искали себя всю жизнь, но так и не смогли выбраться из клубка преследующих их противоречий.

Да, в кризисе, в сложных обстоятельствах, трудно. Даже больно! И «душевное бедствие» терзает... Ещё хуже, если его не чувствуешь! Ломка отношений с окружением и, тем более, с самим собой – не подарок судьбы! На нём нет бантика с надписью «кризис». Хотя... Очищает, смывает всё наносное и пагубное, раскрывает личность – именно он! Вернее, его разрешение. С любым концом! Конечно, это не происходит само собой. Бывает, кризис гложет, гнобит, гнетёт и, в конце концов, губит. Когда остаёшься *не в единении, а один на один с самим собой*, наедине со своей совестью, со своими духовными силами, – именно кризис позволяет, даже заставляет прорвать полог обыденности и возобладать над обстоятельствами, над течением времени, остановить его или даже повернуть вспять. Как этого достичь, не поняв самого себя, не найдя, не скопив в себе той самой «духовной силы»? Да никак!

Нужно сказать, что тема «уединение или одиночество» – это интересно. Многие, в зависимости от привычного применения, путают эти два понятия или размыывают их отличия. Меня это всегда активизирует и подвигает к размышлениям. Противоречия или неопределённость, вообще, заставляют думать, а потом, что гораздо реже, действовать или хотя бы писать о них.

К примеру, почему Василий из повести «Одна на всех...» каждый год приходит к родным на празднование 9 Мая? Там все герои войны: кто в танке горел, кто без ноги вернулся... А он для них «малолетний

власовец». Пьют, пьют, а потом бьют его... И так каждый год. Почему плачут, когда бьют, — понятно, а вот зачем Василий приходит вновь и вновь?..

Почему в кризисе нужно «не уменьшать количество возможностей», а при норме «создавать новые» («Немедленно ждать!»)? Как отличить «уверенного» от «убеждённого» («Дальтоник»)? Вопросы, вопросы, вопросы... И на все читатель должен найти свой ответ.

Ещё сложнее разобраться: «любовь» это или «влечение» («Срыва вереск...», «Последние капли дождя»), «предательство» или «патриотизм» («Маленькая улочка в большом городе»). А «форма и содержание» в искусстве! Кто кого гасит? Если содержание — то, пожалуй, это и не искусство вовсе, а нечто иное!

Повторю: многое зависит от привычного отношения к вопросу. Слишком часто хочется всего, причём ещё и ещё... Метафор и аллегорий формы, захватывающего детективного и одновременно познавательного содержания, всё новых и всё более ярких возможностей. Могу и так поступить, и этак. Разве это плохо? Да, где-то хорошо. А где-то — гибельно! Как отличить одно от другого?

Мы привыкли к книгам и фильмам про «Анну Каренину» или «Наташу Ростову». Почти все сериалы про то же самое. Только и слышим: люблю, любимая, любовь... Так и хочется воскликнуть фразу из известного фильма: «Кака любовь?» В обычном «влечении» видим совсем другое, но столь привычное понятие и торопимся «таку любовь» зацементировать в брак. А уж если это не просто влечение, а целая «страсть»? А ведь всё очень просто. Про истинную любовь ни читать, ни смотреть не выдержит никто! Только страсть подавай! Только она интересна, она

сдвигает горы, меняет течения рек, зовёт на подвиг, порождает ревность и т. д. и т. п. Но она на год-два! Как же быть? И здесь хотя бы на время нужно окунуться в спасительное «одиначество», очищающее и эмоции, и мысли.

Предательство или патриотизм («Маленькая улочка в большом городе»)? Согласитесь, это же разные вещи – страна и государство, а тем более его глава! Министр иностранных дел Франции Талейран присягал Франции – не Наполеону. И когда гениальный дипломат понял пагубность политики императора для своей Родины, да и для себя родимого, то, во-первых, как приличный человек, покинул пост министра иностранных дел в его правительстве и только потом предал. Да, предал Наполеона! По сути, вся жизнь Талейрана – эгоцентризм в действии, одиначество, закрытость и постоянные сомнения при видимости блеска, богатства, власти и уверенности в себе. А в итоге – спас Францию! Иначе в 1814-м союзники, при всём уважении к ним, раздербанили бы эту прекрасную страну на мелкие кусочки, пусть и в границах конца восемнадцатого века. Примерно так, как в похожей ситуации сделали с другой европейской державой в середине прошлого столетия. Там тоже были свои «талейраны», но у них не получилось!

Тем не менее Наполеон, погубивший три поколения французов, – национальная гордость, а Талейран, – чаще всего имя нарицательное. Был министром при пяти сменявших друг друга режимах, и, изменяя им, он никогда не изменял ни себе, ни Франции, награждён высшими орденами почти всех известных стран... «Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью», – писал о Талейране

Оноре де Бальзак – классик французской литературы и большой знаток души человеческой. Лишь одна маленькая улочка носит его имя. Словно памятник одиночеству выдающейся личности, уединилась она в VII округе Парижа. И та узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка... Почему так?

Размышляя об основных понятиях метафизики: о человеке, его проблемах и трудностях существования в окружающем мире, философ-экзистенциалист Хайдеггер так определил связь между «уединением» и «одиночеством»: «Такое „уединение“, есть, наоборот, то „одиночество“, в котором каждый человек только и достигает близости к существу всех вещей...» Вот реакция учёного на неустойчивость и трагизм жизни, незащищённость человека от социальных бурь и потрясений, на возрастание отчуждения между людьми! Только вынужденное одиночество, если оно осознано, если есть и собраны воедино духовные силы, способно подвигнуть человека на изменения в себе или в окружении и даже на подвиг.

Часто вспоминаю где-то прочитанную заметку о подвиге лётчика, спасшего детей. Он посадил горящий самолет. Дети остались живы, а пилот погиб... Но началось всё с другого подвига! О нём мало кто знает. Эти дети в самолёте из детского дома. Когда пришли оккупанты, они приказали брать кровь у детей для своих солдат. Директор детского дома рассудительно заявил: «Да они же немые и не кормленные! Как можно вашим солдатам давать их кровь? Нужно покормить, проверить болезни...» Оккупанты согласились. Директор выиграл время, отвёл детей в лес к партизанам и уже оттуда на самолётах их вывезли к своим...

Наверное, как было бы сильно встать скалой во весь рост на пути Зла и гордо крикнуть: «Не дам трогать детишек!» А теперь что? Вдруг кто-то услышит, увидит, подумает, что он заодно с этими гадами. Мощная, прекрасная загадка души – хрупкая, тончайшая грань, которая разделяет фанатический эгоизм блюсти чистоту своего Я и почти цинизм, почти измену глубоко продуманного шага! И там и там героизм. Мгновенный и, так сказать, пролонгированный во времени. Только вот дети спасены лишь в одном случае. А вдруг собрали бы на площади жителей городка, построили перед ними детишек и впереди директор детского дома... Что тогда?

Счастье подвига не только когда встанешь во весь рост, крикнешь: «За мной! В атаку!»... и не нужно оглядываться назад.

А уединение – это другое! Это намеренное, осознанное состояние человека. Там живёт осмысление, но не поступок. От одного до другого чаще всего вечность, вся наполненная спокойствием, негой и беспечным щебетанием птиц. Это я в уединении! Сам себе придумал его и вот уже пятый месяц сижу один, балдею от природы и от столь любимой мною неопределённости... Мне и силу душевную копить вроде ни к чему. Вот только что и делаю – размышляю, чего бы ещё сотворить эдакое пронзительное о проблемном, противоречивом и неопределённом...

Маленькая улочка в большом городе

Очерк

Париж! Душа моя здесь со школьной скамьи. Память хранит многие адреса, факты и особенную красоту этого великого города. Города, где воздух от земли до крыш мансард пропитан ароматом любви, где тебя завораживает трогательное и незабываемое звучание его маленьких улочек, скверов и церквей, ушедших и сохранившихся свидетелей сложной и, наверное, как у всех, запутанной истории страны.

А сам я?.. И сам я, случись что, – тут как тут. Всегда и везде объявляюсь в самые необычные моменты. В Барселоне во время незаконного референдума о независимости, в Москве во время терактов на Тверской, в Питере, когда был взрыв в метро, в Тулузе сразу после введения чрезвычайного положения... Даже во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном умудрился присутствовать. Вот и сегодня, не ЧП, конечно, но знаковая встреча руководителей четырёх стран Европы.

Лишь бы мне в эту яркую череду событий не вносить свой вклад! А то ещё организм сам вспомнит мои двадцать лет антикризисных проектов... Нет, я

не спасатель и не «интеллектуальный спецназовец». Так, за ностальгией...

Завтра побываю на самой узенькой улочке – Кота-Рыболова (*rue du Chat-qui-Pêche*). Там одно время жил Бодлер. Потом на перекрёсток улиц Сен-Жак и Эколь (*rue de Saint-Jacques et rue des Ecoles*). Здесь была неправильно повёрнутая церковь для «чокнутых» – Сен-Бенуа-ле-Бетурне (*Saint-Benoit Le Béturné*). Потом по длинной лестнице на Монмартр, на самый верх Парижа – к Базилике Сакре-Кёр (*Basilique du Sacré Coeur*).

Ещё поищу улицу Талейрана (*rue de Talleyrand*). Уже давно задумал написать про великого дипломата, предавшего своего императора, но спасшего Францию.

* * *

Прилетел из Барселоны в аэропорт «Шарль де Голль». «Своих» не застал. Должно быть, вся делегация уже отбыла. Вовремя! Всюду очереди, очереди, очереди... На поезд, на автобус, на паспортный контроль... Несмотря на Шенген – в одной только Франции устроили проверку паспортов для любых рейсов. Хоть из стран Шенгена, хоть из Африки. Нечто похожее у входа в вагон редкого поезда от аэропорта до Северного вокзала, потом у выхода из него. Стоят в разных униформах при оружии не то полиция, не то военные. Всматриваются в лица проходящих. Фейс-контроль! Всё ищут кого-то... А рядом во всём красном молодёжь. Видимо, волонтеры. Как похожи на китайских «хунвэйбинов» или на российских «наших»!

А вот и гостиница! Называется «Искусство Монмартра» (*Arts des Montmartre*). Бесплатно пить чай, есть хурму и нисперо... Спать!

Вот он, зимний утренний Париж! Сколько разных воспоминаний! Однако дождь. Не работают одиннадцать из четырнадцати линий метро. Такси-Uber не дожидаться, на автобусы очереди. Опять этот сакраментальный вопрос: «Что делать?» Хотел самокат электрический взять напрокат. Передумал. Не Барселона! Только там тротуары в три раза шире мостовых и есть специальные дорожки для всяких чересчур спортивных особ. Лучше пережду час-другой и схожу туда, где никого нет. «На кладбище!» – говорю себе. И отвечаю: «Правильное решение!»

На кладбище Монмартра (*Cimètiere de Montmartre*) легко заблудиться. Указатели названий многих улиц повёрнуты не туда. То ли их ветром снесло, то ли кто-то невидимый помог... Однако могилу Эмиля Золя (*Émile Zola*) нашёл сразу. Она на возвышенности и рядом с большим уже по-зимнему голым деревом. Вернее, не могилу нашел. Она здесь была только первые шесть лет после смерти писателя. В 1908-м её перенесли в Пантеон (*Panthéon*). А тут только кенотаф. Пишут, что Золя умер от отравления угарным газом, якобы из-за неисправности дымохода в камине. Однако позднее некий трубочист Анри Буронфоссе признавался в том, что намеренно заблокировал дымоход квартиры писателя в Париже. Вот что значит – под конец жизни возлюбить социалистическую идею и выступать против силовых структур с разного рода заявлениями!

Долго под дождём высматривал «Стендаля» («*Stendhal*» – *Marie-Henri Beyle*). В знак уважения к роману – предшественнику психологического реализма хотел сфотографироваться рядом с надгробием с двумя раскрытыми зонтами. У меня они с собой: красный – мой, он всегда в кармане куртки, и

чёрный – из гостиницы! Могилу еле отыскал! Черты лица на барельефе совсем не напоминают Стендаля и на памятнике всё по-итальянски написано. Это такая дань городу Милану, где, как говорят, даже запах конского навоза чуть не до слёз трогал молодого сублейтенанта драгунского полка. “Arrigo Beyle. Milanese. Scrisse. Amo. Visse...” («*Арриго Бейль. Миланец. Писал, любил, жил...*») Очень любил Милан! А после русской кампании, естественно, разочаровался в Наполеоне. Поход на Россию – это вам не блестящая Итальянская кампания! Подумать только! Все свои рукописи потерял, когда через Березину перебирался.

А вот Дюма-сына, Эдгара Дега и певицу Далиду так и не нашёл... Жаль! Как будто не прочитал «Даму с камелиями», не видел «Голубых танцовщиц» и не слушал “Paroles, paroles, paroles...” Зато всюду вереск! Опять эти лиловые соцветия, похожие на ландыши и воспетые Аполлинером (*Guillaume Apollinaire*)! Они меня преследуют! И в Андорре, и во французской Каталонии, и в Португалии, и в Испании рядом с Барселоной. Теперь вот и в Париже достали.

Наконец-то удалось поймать Uber. Прямо от кладбища едем к мосту Александра III. Вот здесь надо отметить. Когда бываю в Париже, всегда фотографируюсь на этом месте. Попросил сфотографировать... китайских туристов. Их тут много! Уже виден купол Дворца Инвалидов (*Hôtel des invalides*). Слева от него должна быть маленькая улочка Талейрана.

Талейран – предательство или патриотизм? Всегда актуальная тема. То разные понятия – страна и государство, а тем более его глава! Министр иностранных дел Франции Талейран присягал стране, а не Наполеону. И когда гениальный дипломат понял

пагубность политики императора для своей Родины, да и для себя тоже (надо сказать, понял значительно раньше Стендаля), во-первых, как человек благопристойный, покинул пост министра в правительстве Бонапарта и только потом предал. Да, предал Наполеона! По сути, вся жизнь Талейрана – эгоцентризм в действии, одиночество, закрытость и постоянные сомнения при видимости уверенности в себе. А в итоге – спас Францию! Иначе в 1814-м на Венском конгрессе союзники, при всём уважении к ним, расчленили бы эту прекрасную страну на мелкие кусочки. Примерно так, как в похожей ситуации сделали с другой европейской державой в середине прошлого столетия. Там тоже были свои «талейраны», но у них не получилось!

Так предательство или патриотизм?

Наполеон, погубивший три поколения французов, – национальная гордость. Его останки лежат неподалёку от этой незаметной улочки с именем Талейрана, но во Дворце Инвалидов в саркофаге из шокшинского малинового кварцита. А Талейран... Это имя чаще всего нарицательное. Был министром при пяти сменявших друг друга режимах, и, изменяя им, он никогда не изменял ни себе, ни Франции. Награждён высшими орденами почти всех известных стран. «Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью», – писал о Талейране большой знаток души человеческой Оноре де Бальзак (*Honoré de Balzac*). Лишь одна маленькая улочка носит имя Талейрана. Словно памятник одиночеству выдающейся личности уединилась она в VII округе Парижа, узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка. Всего-то сто пятьдесят шагов! Даже в Пантеоне ему места не

нашлось, как, впрочем, и Бальзаку. Эх, Франция, Франция... Ну почему так?

Чувствую, что-то меня гложет. Точно! Коли уж этот лиловый вереск на кладбище опять явился предо мной, грех не вспомнить моё любимое пятистишие Аполлинера «Прощание» и тайны «пылающего Разума» поэта:

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле – ты должна понять –
Мы не встретимся больше.
Шушит трава
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*
(Пер. М. Кудинова)

А здесь недалеко кафе «Бык на крыше» (*“Bœuf sur le Toit”*). Там в двадцатые годы, уже после смерти поэта проводила время муза Аполлинера художница Мари Лорансен (*Marie Laurencin*), покинувшая его осенью после пяти лет любви. Надо отметить, что все возлюбленные поэта покидали его именно поздней осенью...

*Под мостом Мирабо тихо Сена течёт
И уносит нашу любовь...
Я должен помнить: печаль пройдёт
И снова радость придёт.
И ночь приближается, пробил час,
Я остался, а день угас.
Проходят сутки, недели, года...
Они не вернутся назад.
И любовь не вернётся... Течёт вода
Под мостом Мирабо всегда...*

(Г. Аполлинер. Мост Мирабо.
Пер. М. Кудинова)

Кафе «Бык на крыше» – место тусовки парижских художников, поэтов и прозаиков, такое же, как в Сене кафе «Пабло» около Испанских ворот. Нужно только вернуться к Сене. Пройти метров триста по набережной Орсе (*Quai d'Orsay*) до моста Инвалидов (*Pont des Invalides*), а потом ещё с километр по проспекту Франклина Делано Рузвельта (*avenue Franklin D. Roosevelt*), пересечь Елисейские поля (*avenue des Champs-Élysées*), и вторая направо – улица Колизе (*rue de Colisée*). Там в доме номер 34 оно и находится.

Pardon! Оказывается, это ресторан! И открывается он только с 15 часов... На кладбище Пер-Лашез (*Père-Lachaise*), где похоронен и Аполлинер, и Лорансен, не пойду! Достаточно могил на сегодня. Да и далеко! На другом берегу и ещё километра три-четыре за площадью Бастилии.

Должен заметить, у меня ещё с кризисных проектов особенное пристрастие к мелочам. Ведь дьявол именно в них! В любом деле есть две-три детали, на которые стоит обратить внимание, иначе в дальнейшем проблем не оберёшься. И, кстати, мелочи – это лакмусовая бумажка. Она часто проявляет порою скрытое от глаз.

Итак. На маленькой улочке Талейрана мы побывали. На такой же, только раза в три длиннее, улице Колизе – тоже. Теперь на самую узенькую. Её ширина всего два шага, а длина тридцать метров. И, тем не менее, эта улица Кота-Рыболова (*rue du Chat-qui-Pêche*), вернее сказать переулок, существует ещё с XVI века! Здесь была лавка. Её остроумный хозяин на вывеске нарисовал своего кота и написал: «Каждый здесь выудит» (*“Chaque y pêche”*). А звучит одинаково и первое, и второе сочетание французских

слов. Так и прозвали улочку в Латинском квартале между улицей Юшетт (*rue de la Huchette*) и набережной Сен-Мишель (*quai Sait-Michel*) – улицей Кота-Рыболова. Здесь одно время жил Шарль Бодлер (*Charles Baudelaire*), поэт, эссеист и переводчик, основоположник символизма во французской поэзии, автор «Цветов зла».

С двух сторон переулка грязная обшарпанная стена, ржавые водосточные трубы, окна разной величины и лишь одна, покосившаяся, ужасного вида входная дверь. Но Бодлер любил и умел в безобразном находить прекрасное. В этом и есть вечная тайна искусства. Любое самое изощрённое и отвратительное содержание, будучи представленном в художественной форме, чудесным образом превращается в нечто притягательное и завораживающее.

Именно здесь, пребывая в творческом «запое» и воображая ласки любви «дев его цветущих», «пылающий Разум» Бодлера разродился некогда осуждёнными, а теперь уже всем хорошо известными стихами.

*Этот ласковый лоск чрева,
Чресел и ног,
Лебединый изгиб ненаглядного
Сада
Восхищали меня, но дороже
Залог –
Грудь-гроздь, краса моего
Винограда...
(Украшенья. Пер. В. Микушевича)*

Тогда, в 1857 году шесть стихотворений Шарля Бодлера («Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Проклятые женщины», «Лесбос» и «Метаморфозы вампира») «за нарушение норм общественной

морали» были запрещены к изданию решением исполнительного суда департамента Сена в Париже. Но это прелестные стихи! Здесь же не отказ от моральных припципов, а их переосмысление! Что тогда сделали бы с моими эссе «Зеркало любви» и «Пробуждение»?

Совсем рядом, на улице Юшетт, маленькое кафе. Оно напротив дома номер 5, где раньше была дешёвая гостиница. Там в 1796-м, перед Итальянским походом, снимал жильё 27-летний дивизионный генерал, корсиканец Наполеоне Буанопарте. Платил три франка за неделю и где-то рядом питался. Один раз в день.

Я, пожалуй, тоже здесь откушаю и ещё выпью виски. А то после Барселоны в Париже холодно.

Согревшись, полюбуюсь собором Нотр-Дам-де-Пари (*Notre-Dame de Paris*). Благо он тут рядом. Выходишь по улочке Кота-Рыболова на набережную Сен-Мишель, и пожалуйста, любуйся! Он на острове Сите, за Малым мостом (*Petit-Pont-Cardinal Lustiger*). Ещё Людовик VII в 1113 году передал епископу парижскому первые 200 фунтов серебра на его постройку. С тех пор что только ни происходило с собором и внутри его! Открытие первого парламента Франции и коронация Наполеона Бонапарта, чествование маршала Петена, героя одной мировой войны и символа предательства и коллаборационизма в войне другой, реабилитация национальной героини Франции Жанны д Арк (*Jeanne d'Arc*), сожжённой на костре в Руане... И в завершение – пожар в апреле этого года.

Над собором на месте обрушившегося девять месяцев назад знаменитого шпиля хорошо видна повисшая стрела огромного крана. Символический

срок! Тем не менее вход в собор закрыт, подход – тоже. Шпиля как не было, так и нет. И ещё строители просят целый миллиард евро для завершения ремонтных работ!

Расстроился что-то... Главный собор Парижа закрыт на ремонт, городской транспорт не работает, Золя отравили угарным газом, Далида сама отравилась, Талейрана до сих пор считают хитрым и беспринципным интриганом, барельеф Стендаля не похож на писателя... Бодлера за его стихи осудили и оштрафовали. Его имени нет не только в «Истории французской литературы» (*“Histoire de la Littérature française”*), изданной через полвека после смерти поэта, но даже на могиле на кладбище Монпарнас. Просто: «пасынок генерала Жака Опики...»

Франсуа Вийон в известном французском фильме 2010 года назван вором и убийцей. Неужели не понятно! Вор и убийца – это же маски! Маски, в которые то и дело рядился Вийон. Маски сутенёра, бандита, влюблённого школяра... Он писал от первого лица, чтобы лучше раскрыть то, что видит и чувствует его персонаж. В конце концов, почитайте протоколы судебных процессов, связанных с Франсуа Вийоном... Они сохранились! Тогда, несмотря на недавно завершившуюся Столетнюю войну, правосудие во Франции было весьма скрупулёзным. Вийон, как сказал А.С. Пушкин, почитался первым народный поэт, а его имени даже нет в книге «Французская литература» (*“Littérature française”*. ISBN: 978-2-7098-2180-3) того же с фильмом 2010 года выпуска. Как сговорились!

Не хватает только демонстраций на всех главных проспектах столицы. Хоть «жёлтых жилетов», хоть за независимость чего-то одного от другого, хоть

против пенсионной реформы... А то бы вообще... В Барселоне демонстрации. В Париж приехал – так и тут тоже, понимаешь, что-то своё упорно демонстрируют. Пусть с шариками, пусть без оных. Ну куда бедному туристу податься? Те, что в Барселону из других городов Каталонии шествуют, они хоть со своими туалетами...

Ну вот, лёгок на помине! Смотрю, на набережной Сен-Мишель лавка со значками, а рядом на табурете сидит мужчина с собачкой на руках. Вылитый Пуч-демон – бывший руководитель Каталонии, объявивший о её независимости. В Париже!? И продаёт значки с изображением Ленина!? Странное видение!

Однако не стоит мусолить чувство обиды, погружаться в извечную противоречивость бытия! Цветущий вереск постепенно гасит мой «пылающий Разум». Он вообще снимает любые воспаления и исцеляет от всякой хвори! Лучше свернём-ка с набережной Сен-Мишель на улицу Сен-Жак. На пересечении её и улицы Эколь одно из зданий Сорбонны. Напротив разместился миленький скверик имени Поля Пенлеве (*Paule Painlevé*), математика, политика, дважды премьер-министра Третьей республики и создателя известной линии Мажино. А перед сквером почему-то памятник Мишелю Монтеню (*Michel de Montaigne*). Тому самому! Основоположнику жанра эссе, где изложение подчиняется «прихотливым извивам мысли и впечатлений».

Надо сказать, что этот сквер хоть как-то скрасил место, где раньше была церковь Сен-Бенуа-ле-Бетурне, построенная ещё в VI веке. Ведь об этом уже почти никто не помнит! В середине XV века в ней у дяди-капеллана свои лучшие годы провёл студент факультета искусств Сорбонны Франсуа Вийон.

Церковь была неправильно повернута, поэтому её часто посещали не вполне адекватные люди. Они считали её «своей»... Через двести лет церковь перестроили по рисункам Клода Перро, брата великого сказочника. Чуть позднее обоих братьев, Клода и Шарля, похоронили у этой же церкви... В 1812-м их могилы перенесли в катакомбы под Люко, то есть под Люксембургским садом. А в 1831-м снесли и саму церковь.

Это всё проделки знаменитого Жоржа Османа (*Georges Haussmann*), префекта департамента Сена. Получив неограниченные полномочия от племянника Наполеона Бонапарта, последнего монарха Франции, он разрушил большую часть старого города и перекроил всю уличную сеть Парижа. Так появились широкие парижские проспекты, улица Эколь, новое здание Сорбонны на месте церкви Сен-Бенуа-ле-Бетурне. Так возник и миленький скверик напротив...

Эколь пересекает Сен-Жак. А та в свою очередь постепенно превращается в дорогу, которая ведёт сначала на юг, во французскую Каталонию, а после – в Испанию. Она проходит через любимый городок всех французских художников – Сера (*Céret*). Здесь сохранились памятники XIII века: «Ворота Испании» и «Ворота Франции». В первом хранится археологическая коллекция, а во втором – книжная – Национальная библиотека. В ней на полочках, между прочими, стоят и мои «шедевры». Те, что изданы на французском языке.

День второй. Покидая свой номер в гостинице, обнаружил на дверях незаметную металлическую табличку. Сначала не обратил на неё внимания. Думал, это про то, куда бежать при пожаре. Оказалось,

на ней выгравировано что-то про писателя Марселя Эме (*Marcel Ayme*). Сразу вспомнил памятник ему на небольшом кладбище Сен-Венсан (*Cimetière Saint-Vincent*), что посетил вчера сразу после кладбища Монмартр. Это совсем рядом, метров семьсот вверх по улице Коленкура (*rue Caulaincourt*). Бронзовый памятник Марселю Эме заказал его друг, актер и писатель Жан Марэ. «Человек, проходящий сквозь стену».

«Что-то символичное есть во всём этом», – подумалось мне. Мол, покидая номер отеля, готовься ко всякого рода препятствиям. Дождь, забастовка, пробки, отмена рейсов, опоздания... И вчера, и сегодня, и... Опять вспомнились кризисные проекты девяностых и нулевых. Называется: «Приехал в Париж за воспоминаниями!» Прямо как токарь на пенсии, который специально ходит на завод понюхать стружку...

Так и есть! Проливной дождь, ветер, один зонт сломался, метро не работает. На автобусы жуткие очереди. Все, как на зоне, колоннами топают по тротуарам на работу пешком. Я сегодня тоже не собираюсь надеяться на штрейкбрехеров от транспортников. Схожу к Сакре-Кёр, потом к Мулен Руж (*Moulin Rouge*) и всё! На площадь Пигаль (*Place Pigalle*) и в музей эротики не пойду. Не до них! Да и холодно...

К Базилике ведёт красивая лестница, облитая разными красками. Видимо, готовят туристов к нашествию местных художников. Сбоку от лестницы симпатичный скверик имени поэта Габриэля Рандона, взявшего себе псевдоним Жан Риктус (*Jehan Rictus*. “*Rictus*” по-французски «оскал»). Не знаю такого. Знаю только, что он был знаком с Аполлинером

и Камю и перед смертью награждён орденом Почётного легиона. Там, в скверике на стене какого-то дома два художника Фредерик Барон и Клер Кито (*Frederic Baron et Clair Kito*) умудрились на 311 языках написать: «Я тебя люблю». Здесь словно бы место встречи влюблённых и надёжный памятник вечному обожанию! Мол, только множество разных языков не даёт возможности всем любить друг друга!

Вокруг Сакре-Кёр солдатики элегантно прохаживаются, как по подиуму. В беретах и с автоматами... Что-то давненько их не встречал. Предусмотрительно обошёл служивых слева, там, где с XII века за каменным забором высится аббатство Сен-Пьер-де-Монмартр (*Saint-Pierre de Montmartre*). После Великой Французской революции здесь был установлен оптический телеграф. Именно с его помощью было принято первое сообщение о поражении армии Наполеона под Ватерлоо.

Вышел на художников. Дождь льёт как из ведра, а эти ходят кругами с мольбертами, всё норовят меня нарисовать... За деньги, конечно! Еле ускользнул. Галерей здесь маловато. В несколько раз меньше, чем в Сере. Нырнул в магазинчик сувениров и был таков! Правда, пришлось купить кепочку. А что? Ничего такая, утеплённая. Стал совсем похож на себя два года назад, когда всю зиму обитал в Сере и Перпиньяне. Только шарфик другой. Ну, известное дело, в Париже не без изысков! Иду себе в кепочке, сложенным зонтиком помахиваю... Приблизился к дому розового цвета. На нём так и написано “La Maison Rose”. Что это? Не знаю. Розового кролика знаю, розового фламинго – тоже, в Оливейе, где гуляю с Масиком, тротуары розового цвета... А чтобы «дом розовый» – не слышал. Однако все фотографируются

перед ним. Кто-то меня окликнул на непонятном языке. Не китайцы – это точно! Я бы понял. Подумал, просят их сфотографировать. Ан нет. Просто хотят побыть рядом со мной! Должно быть, чувствуют «великого писателя современности». Или просто кепочка моя понравилась...

Не прошёл и двадцати метров. Ба! Знакомое лицо! Площадь имени певицы Далиды (*псевдоним – Dalida*) с памятником, вернее с её бронзовым бюстом. Он весь такой тёмный, а грудь блестит! Ну не могут туристы просто любоваться! Что сразу бросилось в глаза? Площадь ДАЛИды, а рядом выставка картин ДАЛИ... Должно быть, как-то связаны были эти две личности? Хотя Сальвадор Дали (*Salvador marqués de Dali de Púbol*) был известный однолюб. Свою жену Галу (Елену Дьяконову) боготворил, тем более что в своё время с таким трудом увёл её у Поля Элюара. Правда, потом в качестве компенсации написал его портрет.

Пора домой! Гляну на кабаре Мулен-Руж и в отель. Это рядом с ним, по милой древней улице Монмартра Лепик (*rue Lepic*) и направо. Ну, что сказать? Кабаре как кабаре. Построили Эйфелеву башню и отметили это дело в только что открывшемся на площади Бланш ресторане. Мельница как мельница. У меня под Выборгом такая же! Правда, этой четырёхста лет.

Прохожу мимо входа в метро Бланш, а оттуда выбегают человек десять молодых парней, кричат чего-то и телефонами размахивают. Понял! Сфотографировали ужас толкучки внутри поземелья. Упросил послать мне на WhatsApp. Это надо видеть!

Всё! До отъезда в аэропорт минут тридцать. Остался последний рывок. Но сегодняшний Париж не был

бы таковым, если бы... Трансфер в аэропорт неприлично опоздал. Потом ехали сквозь сплошные пробки. На трёх основных перекрёстках стояли огромные фуры с мусором. Все машины вокруг них чего-то ждут и гудят... Это такая месть за вчерашнее выступление премьера Франции! Тот попытался договориться с бастующими транспортниками. Простой какой! Но нет худа без добра. Хорошо, что мой рейс "Air France" ещё вчера отменили. Самолёты тоже бастуют. Пришлось купить билет на что угодно, только не на французскую компанию. "Vueling"! Эти отлетают всего на час позже.

Наконец-то «Шарль де Голль»! Непривычно смотрятся пустые залы с гейтами... Однако наш рейс тоже почему-то на час позже вылетел. Почему, почему? Что ещё за вопрос? Это такая новая забава в Париже. Как только решишь передвигаться не на своих двоих – всё! Будешь стоять и ждать, как миленький, пока правительство с профсоюзами не договорится. Диспетчеры ведь тоже французские. Самолёт долго добирался к взлётной полосе. Даже было такое ощущение, что он решил восполнить пассажирам утраченное в Париже – хоть где-то просто покатать. Прямо как на автобусе! Только с реактивным двигателем. Едем и едем. Заметьте, не петляем, как это обычно происходит при выруливании на взлётную полосу, а довольно быстро катимся, будто по самому длинному мосту в Европе. Уж всяко большему, чем мост Васко да Гама в Лиссабоне или даже Крымский. Внизу под ним, слева и справа, сквозь залитый дождём иллюминатор видны встречные потоки огней – красные и жёлтые. По-прежнему бурлит жизнь большого города...

Самолёт взлетел, я раскрепостился и уснул...

Только увидел во сне пред собой текст этой зарисовки о сегодняшнем Париже, вдруг толчок и бурные аплодисменты! Не скрою, сначала подумалось мне: «Ценит общественность! Да уж, что есть, то есть!» Но оказалось, это посадка... Почему? Даже пот выступил на лбу. Смотрю на часы. Ещё лететь почти пятьдесят минут! Или это аварийная? Где? В Лионе? В Бордо? Значит, ночевать на вокзале? Вот уж погулял по Парижу!

Эх, иллюзии, иллюзии! Как нам хочется порой ещё раз прикоснуться к прекрасному! Прикоснёшься – и всё сразу рассыпается прямо на глазах. Вот уж точно сказал Стендаль: «Красота есть лишь обещание счастья».

* * *

В последний день так намаялся, что по привычке счёл лифт гостиницы бастующим транспортным средством. Совсем забыл, что ещё вчера поднимался на нём на свой этаж. Иду я пешочком по лестнице, смотрю – на дверях лифта рисунок из «Маленького принца» Экзюпери. И надпись: “On ne voit bien qu’avec le coeur”.

Самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце.

Последние капли дождя

Рассказ

1.

Всё черно вокруг и наполнено мерцающими звёздами. Ты один в этом фантастическом мире, растворяешься в нём, можешь дотронуться до звёзд – стоит только протянуть руку... И нет никакого самолёта, есть только ты и музыка. Она звучит в сердце, заставляя вспоминать, мечтать, думать о Вечном... И лишь когда вдруг проваливаешься в воздушную яму, надрывный звук внезапно загудевшего мотора напоминает о реальности. Там, куда падает маленькая «Цесна», будто на фотобумаге начинают проявляться тёмные силуэты горных вершин. Россыпи огней на перевалах и на взгорьях, ещё мгновение назад казавшиеся неподвижными, устремляются навстречу, и ты ясно понимаешь, чувствуешь каждой своей клеткой, что это не звёзды.

Скоро уйдёт ночь, и над утренней туманной дымкой вырастут острые очертания массива Монблан. Здесь каждый разворот и снижение таят в себе опасность. Посадочная полоса короткая, узкая, идёт под наклоном и начинается совсем рядом с отвесной скалой. И чтобы не угодить с размаху в эту гору, нужно всё разглядеть и точно рассчитать. А внизу ничего не видно. Мощные потоки воздуха срывают со склонов снежную пыль, которая плотно покрывает

аэродром, блестит, отражая лучи солнца, и колыхается. Шевелится, будто кто-то неведомый забрался под это огромное белое одеяло, только что мирно спал под ним прямо на полосе, а теперь вдруг проснулся и пытается выбраться.

Каждый такой полёт дарит радость. Заснеженные вершины на фоне зелёных лугов, тёмно-синего леса, предгорья и бесконечное голубое небо! Но не только красота снова и снова влечёт тебя в облака. Главное – это контраст между упоением природой и острым ощущением опасности и риска.

Остались позади Альпы с посадкой в Куршевеле, перелёт через Пиренеи, наконец, Малага. Уже сегодня можно расслабиться в каком-нибудь городке поблизости.

В Марбелье зима облачна и скучна, но воздух остаётся тёплым и влажным. Среди рыхлых соцветий белого вереска, не сожжённого летней жарой, тут и там высятся стебли стрелиции. Цветы её, будто сказочные птицы с длинным клювом, вытянули головы с торчащими в разные стороны яркими перьями и тревожно всматриваются вдаль, охраняя тишину курортного городка.

Вдруг начинается дождь, и с гор срывается поток воздуха. Он несётся вниз, пробираясь между высокими белыми зданиями отелей. Набережная вмиг пустеет, исчезают запахи цветов, а люди, только что беспечно прогуливавшиеся вдоль моря, прячутся в защищённые от ветра кафе. Переживая непогоду, они с интересом наблюдают за струями фонтана. Те неожиданно исчезают, а вместо них в воздухе плывёт огромное облако водяных брызг.

За последний год Антон успел полюбить этот городок и был рад вдруг очнуться здесь вновь после

напряжённой недели каждодневных перелётов из Швейцарии в Испанию и обратно. Он шёл по узкой крутой улочке Старого города, и его взгляд то устремлялся на древнее здание Часовни Сантьяго, то безразлично скользил по разноцветным шляпкам, кофточкам и шарфикам, вывешенным возле многочисленных магазинчиков. Зрелые апельсины, только что сорванные ветром, беспорядочно скатывались по узорной плитке вниз, к проспекту, под колёса проезжающих машин. Антон поднимался вверх, навстречу тонким ниточкам ручейков, поблескивающих серебром от света витрин, и опасался лишь одного – поскользнуться, нечаянно наступив на оранжевый плод.

И вдруг что-то заставило Антона остановиться у одного из больших окон. Перед ним была кофейня. Антон почувствовал, что по жилам растекается наслаждение от запаха горьковатого кофе, ванили, миндаля и марципанового теста, от изобилия украшенных кремом сладостей, от пышущих жаром чуррос. Предвкушая праздник чревоугодия, он вошёл в этот кондитерский рай и справа у окна заметил компанию, собравшуюся за большим столом.

Двое мужчин почтенного возраста что-то деловито доказывали друг другу, три молодые женщины с наброшенными на плечи одинаковыми клетчатыми накидками сидели и разговаривали, благодушно улыбаясь. Одна из них что-то проворно поправила в одежде игривого шалуна лет пяти, затем легко взмахнула рукой... Антон узнал бы этот жест из тысячи...

Перед ним была Катя.

2.

Впервые они встретились лет десять назад, в новогоднюю ночь, на даче у общих знакомых. Антон

сразу увлёкся Катей и, хотя та пришла со своим ухажёром, каким-то бизнесменом, старался не отходить от неё ни на шаг. Стройная, с правильными тонкими чертами лица и большими светло-кариими глазами, она казалась мечтательной, озорной и беззаботной одновременно. Но не внешняя красота, а что-то необъяснимое притягивало Антона. То ли движение руки, лёгкое, чуть заметное, словно отмахивается от чьей-то излишней назойливости, то ли изредка звучащие низкие нотки в голосе, такие, как у курильщиков или простуженных, неожиданные, с приятной бархатной хрипотцой. Ему нравился её взгляд, искрящийся из-под опущенных ресниц, который одновременно был и игривым, и ласковым, и нескромным.

Гости перепознакомились, несколько раз выпили за Старый год и даже успели потанцевать, но не успели открыть шампанское под бой курантов. Сначала сломалась пробка. Вторая бутылка, тотчас появившаяся в руках хозяина и, видимо, слишком охлаждённая, вообще не хотела открываться. Тогда, забыв забыв загадать желания и чокнувшись фужерами с обычным красным вином, компания вдруг разом высыпала из комнаты с камином на крыльцо, украшенное гирляндами из мигающих лампочек. Хозяева позвали гостей на берег недавно замёрзшего залива полюбоваться на самодельный праздничный фейерверк и ледяной замок, сотворённый местным умельцем.

Весь последний день года лил дождь, подморозило только к вечеру, а в ночь повалил рыхлый снег. Ледяной замок успел подтаять, но от этого стал только красивее, и теперь походил на постройки Гауди. Салют в честь наступившего года никого не удивил. Искры, шум, цветное пламя, взлетели вверх несколько красных и зелёных звёздочек, осветили

лёд, потом медленно затухли и, упав в снег, громко зашипели. На этом как будто представление и закончилось. Наплывшие облака закрыли полную луну, и стало темно. Кто-то зажёл и раздал гостям бенгальские огни, потом все зачем-то разбежались искать несгоревшие гильзы от пиропатронов.

Следующий залп из нескольких петард оказался неожиданным и громким. Хозяйские собаки, до этого радостно гонявшиеся за мячиком по заснеженному льду, завиляли хвостами и прильнули к Кате, из всех гостей для защиты выбрав именно её. Они так крутились, толкаясь мордами в её колени, что Катя, потеряв равновесие, оступилась, поскользнулась и упала на мягкий снег. Она вскрикнула, меховая шапка свалилась с её головы, волосы рассыпались вокруг лица. Бенгальский огонь, сея холодные искры, выпал из рук, а собаки, испугавшись ещё больше, поджав хвосты, кинулись домой.

Через мгновение в сумраке кто-то склонился над Катей. Будто играя, она чуть приподнялась и протянула вверх руки. Перед ней был Антон. Пытаясь помочь, он нагнулся ниже, обхватил Катю за талию, поставил её на ноги, но тут же поскользнулся и упал, уронив её на себя. От неожиданности несколько мгновений они лежали неподвижно. Длинные волосы с мягким запахом лаванды приятно касались лица Антона, сверху на него выжидающе смотрели широко раскрытые глаза с искоркой лукавства. Он слышал глубокое дыхание, всем телом чувствовал влекущую близость Кати и вдруг стал её целовать. Опасаясь, что этот случайный и сладостный миг может закончиться, он быстро целовал её шею, щёки, глаза... И, наконец, его горячие поцелуи встретили отзывчивые губы Кати.

Яркая вспышка от очередного залпа осветила всё вокруг и мгновенно разлучила их. Некоторое время спустя, накричавшись и наохлавшись кто от деланного, кто от искреннего восхищения, компания вернулась в дом продолжать прерванное застолье. До самого отъезда Антон и Катя так друг с другом ни о чём и не поговорили. Следя за ней, за каждым её жестом, каждой улыбкой, Антон искал и не находил какой-нибудь знак, понятный только ему.

3.

Его с детства увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармония семьи и душевное спокойствие. Оба два года назад окончили разные вузы, но у каждого диплом экономиста. Впереди карьера учёного, будущее ясно и predetermined. И вдруг обрыв! Страны не стало. Как в калейдоскопе, всё завертелось вокруг: наука исчезала, бизнес зарождался и тут же рушился, деньги появлялись и пропадали, партнёры предавали, приятели разбегались. Теперь были нужны только доллары, интересовал только успех.

Откуда ни возьмись, появился известный музыкальный продюсер и потянул Катю совсем в другую жизнь: музыка, песни на английском языке, поклонники, приличные деньги от дорогих корпоративных вечеринок, поездки за границу с концертами. Зрители с ума сходили от неё, такой подвижной, гибкой, привлекательной. Всех завораживал её тёплый, густой, низкого тембра голос, чем-то похожий на тот, какой был у Таниты Тикарам. Катю слушали, ею любовались, и это доставляло ей удовольствие. Конечно, она понимала, что такая карьера – дело случая, многое зависело от её отношений с продюсером,

да и вообще, это же шоу-бизнес – не так посмотришь, и всё кончится!

Антон тоже вдруг почувствовал, что теряет в жизни нечто по-настоящему важное. Спихнулся и кинулся в муштровки поэзии, стал учить французский, а потом, как в вакуум, его засосало небо. Вскоре в автомобильной катастрофе погибли родители, и он остался совсем один. Нужны были деньги, и Антон, как заправский экономист, мастерил добротные бизнес-планы. Некоторые из них успешно реализовывались, и тогда предприниматели одаривали своего спасителя поддержанными автомобилями и поездками за рубеж. Из этой манны небесной он скопил кругленькую сумму и отправился по приглашению в Австрию. Там Антона взяли в небольшую авиакомпанию. Взяли, потому что у него имелся сертификат Вильнюсской международной авиашколы, около двухсот часов налёта на одномоторном самолёте, и – самое главное – он был знаком с сыном президента компании.

4.

Катя и Антон жили каждый своей жизнью, часто и подолгу находясь вдали друг от друга. Несмотря на неожиданно странное завершение их первой встречи, была и вторая, а потом и третья... Они старались оберегать себя от тысячи мелочей пресного быта, от всего обременяющего, отвлекающего и рискованного, ради того, чтобы вновь и вновь испытывать сильное чувство, подобное влюблённости с первого взгляда.

Всякий раз, оказавшись в родном городе после нескольких месяцев отсутствия, Антон шёл по утренним полупустым улицам центра, проходил мимо ещё закрытого Кузнечного рынка, любовался недавно

восстановленной часовней, где уже горела лампадка, а потом приходил в знакомый двор. В старом доме среди узких окон третьего этажа было два Катиных. Скрываясь за горкой на детской площадке, он долго смотрел на них, тщетно пытаясь увидеть её силуэт. Можно, конечно, подняться и позвонить в дверь! Но Антон не хотел. Катю всегда опекали мужчины из шоу-бизнеса, музыканты, поэты, продюсеры. Он знал это, не раз видел её ухажёров, хотя чувства ревности при этом никогда не возникало. У него ведь тоже были похожие связи. Поэтому, стоя у Катиного дома, он всегда ждал. Ждал, вдруг погаснет свет в окне, и она выйдет.

Если она одна выходила из подъезда, он прятался и долго шёл за ней следом. Временами то деревья, то какой-нибудь неповоротливый троллейбус скрывали от него её фигуру. Боясь, не исчезла ли она, не свернула ли в переулок, он торопился миновать мучительное препятствие и, снова увидев Катю, останавливался облегченно вздохнуть. Так продолжалось долго, пока ему вдруг не представлялась возможность ловко и незаметно обойти её, а потом, столкнувшись лицом к лицу, изображая занятого человека, как ни в чём не бывало наигранно-растерянно произнести: «Катя!? Ты ли это? Здравствуй...» Она бросала все дела, и они уезжали на электричке за город, на берег тихо журчащей речки, скрытой кустами черёмухи. Иной раз просто бродили по лесу.

Однажды за яркой россыпью полевых цветов им распахнулось огромное жёлто-серое поле. Пробравшись на его середину, Катя и Антон долго-долго лежали там, на тёплой земле. И не существовало в этом мире ничего для Кати, кроме его ласковых рук, а для него — мягких Катиных волос рядом с его лицом.

Потом они, молча, смотрели в небо, и сквозь облака проглядывала яркая осенняя синева. Её пересекала длинная тонкая белая нить – след от реактивного самолёта. Вдруг эта нить оборвалась, и высоко в небе послышался хлопок... Катя вздрогнула, тревожно взглянула на Антона и крепко сжала его руку... Вокруг них был только сплошной лес из уже пожелтевших пшеничных стеблей, лениво раскачивающих на лёгком ветру зрелые колосья, да редкие, такие же яркие как небо, васильки... А в небе, сбросив свой привычный белый шлейф, продолжала двигаться блестящая на солнце точка.

5.

Они не виделись почти год. Катя вместе с ансамблем прилетела на рождественскую неделю в Ванкувер. Три дня на концерты, ещё три на отдых, потом Калгари, Торонто и Монреаль. Антон к тому времени уже полгода летал вдоль Атлантического побережья от Калифорнии до Ванкувера, обслуживал чартеры. И вот ему представилась неделя отдыха в заснеженной Британской Колумбии.

Случайно взглянув на афишу, Антон увидел название российской музыкальной группы и знакомую фамилию. Ни с чем не сравнимые чувства вдруг ожили, наполнили душу, захватили и уже не отпускали. Повинуясь зову сердца, он через весь город пешком направился к зданию Театра Королевы Елизаветы.

Гастроли уже заканчивались, и этот день был последним. Антон проник за сцену, долго бродил между кулисами, складскими помещениями, «карманами» с небрежно разбросанными декорациями, пока не попал в узкий коридор с гримёрками и там,

наконец, разыскал Катю. Она сидела на стуле напротив большого зеркала в деревянной узорной раме и лёгкими, только ей присущими движениями руки, будто отмахивалась от кого-то, снимала грим влажными салфетками. На столе, на полу, на диванчике у стены, всюду лежали цветы...

«Катя!? Ты ли это? Здравствуй!» – тихо как пароль произнёс Антон. Она вздрогнула.

А потом была ночь. И эта ночь для них была как первая...

Еле-еле пробивался рассвет. Катя взглянула на Антона. Непослушная прядь на макушке придавала его облику что-то детское, а лицо казалось таким родным, что хотелось погладить закрытые глаза, провести ладонью по небритым щекам, коснуться мускулистых плеч...

Да, она влюбилась в Антона с того самого момента, как впервые увидела его серые глаза, напоминающие осенний дождь. А эти длинные ресницы! Они так щекотно моргали во время их нечаянного поцелуя. Но как же он был робок тогда! Антон, упав на снег рядом с Катей, лежал и чего-то ждал. Всего мгновение, но Кате казалось, что прошла целая вечность. Странно, она потом забыла об этом. Теперь вспомнила. Вспомнила его маленький, почти незаметный шрам на щеке. Он говорил, что это от удара о разбитое стекло кабины во время неудачной посадки. Катя сразу заметила этот шрам и даже хотела прикоснуться к нему губами... Но фейерверк! С него всё началось... – им и закончилось.

Катя вынырнула из потока воспоминаний, поднялась и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Огромными белыми хлопьями падал густой снег. Ещё горел жёлтый свет уличных фонарей, напоминая

про оставшуюся в прошлом бурную ночь. Этот рассвет был каким-то особенным и дарил надежду. Поднявшись на цыпочки, Катя приоткрыла окно и, протянув ладонь, стала ловить снежинки. Ей казалось, что пока они не растаяли, она успеет загадать желание. Но снежинки таяли на её тёплой ладони, и получались капли... «Как же быстро всё уходит!» – вдруг подумала Катя, и слёзы неожиданно покатились из её глаз. Антон проснулся, подошёл, целуя её затылок, попытался заглянуть Кате в лицо, но та отворачивалась – не хотела, чтобы он видел эти слёзы. Тогда Антон взял Катю за плечи, повернул к себе лицом и стал целовать. Его губы нежно снимали с её щёк и ресниц капли слёз. Лёгкое одеяло медленно поползло вниз и соскользнуло, обнажив хрупкое плечо, белую грудь и загорелую бархатную кожу влекущего к себе бедра... Его руки крепко обхватили Катю за талию и он прошептал: «Я всегда буду с тобой...» От тепла этих слов дрожала каждая клеточка её тела, а чтобы этот миг длился вечно, хотелось замереть и не дышать... Даже рай для неё представлялся именно таким, заснеженным, с ещё не погасшей на сумрачном утреннем небе огромной луной – вот так стоять рядом у окна и смотреть на этот снег.

Двое суток они не покидали жилища, которое Антон всегда снимал, прилетая в этот город. Два дня почти ничего не ели, ни о чём не думали, но она мечтала...

И вот наступило последнее утро. Катя первый раз в жизни летела, находясь в кабине самолёта. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто смотрела на её Антона! Потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце! Игрушечная «Цесна» плавно уходила в небо. Внизу тоненькими чёрными ниточками на покрытой снегом земле петляли

дороги, мелькали разноцветные, словно кукольные домики.

А небо, небо!.. Его небо, ставшее теперь для неё таким близким и даже родным... Вот воздушная яма – и на секунды бессознательно ускоряется пульс и бие-ние сердца. Страшно? Ничуть! Она знала, что есть что-то большее, чем двигатели и аэродинамические зако-ны. И это большее – её любовь к Антону, к его небу, к его самолёту, к самой жизни. Она понимала, что ра-дость, которую искала в Антоне, не только в нём таит-ся, а дышит вокруг него повсюду, и что их любовь не просто череда случайных встреч...

В то утро Антон впервые почувствовал, что без Кати, без каждого дня рядом с ней не сможет жить. Не сможет, как прежде летать, мечтать, чувство-вать... Его единственная собственность – бескрайнее небо, о котором он бредил с самого детства, посте-пенно исчезала, оставляя его наедине с Катей. Он понимал, что их любовь – особенная и хотя она, как пульсирующий родник, то возникает, то исчезает, – она и свежа, как родник.

Сегодня он увидел, как в их счастье вмешивают-ся какие-то другие силы, уводя их в разные сторо-ны. Для Кати, как думал Антон, карьера артистки – лишь временное устремление, фон, на котором про-исходят их мимолётные встречи. Его страсть – это дело, которым он занят. Оно приносит деньги, по-зволяет сохранять привычный образ жизни, путеше-ствовать, любить Катю... Для Антона утрата возмож-ности летать равносильна потере самого себя. Да и семейная жизнь в полной гармонии чувств и душев-ном спокойствии – совсем не то, к чему он всегда стремился. Но была и ещё одна причина. На ярком фоне его героической профессии её сразу и не заме-

тишь – не умел он делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность! А там, где такого риска нет.

Для них обоих каждая встреча становилась праздником. А сегодня она совпала с рождественским фейерверком, который устраивали местные власти. В предвкушении красочного действия люди толпились вдоль берега. Бухту медленно заполняли катера и яхты. Они подходили сплошным потоком слева по узкому проливчику, будто автомобили по запруженному проспекту. В ночи был виден только красный свет их задних габаритных огней. В небе вокруг баржи, откуда запускали салют, в ожидании представления барражировали лёгкие самолётики.

Вспыхнули первые залпы фейерверка, над гладью моря зазвучала музыка, и её звуки, будто заколдованные, стали проникать в душу Антона, заставляя увидеть одновременно и прошлое, и будущее. Вот шелестит залитое солнцем соломенное поле пшеницы, прорезанное тонкими нитями синих васильков, вот шум листьев черёмухи. Потом эта чудесная музыка проникает ещё глубже, и уже под скрытую полифонию фуги линия одного голоса разделяется на две... Высоко в небе вспыхивают разноцветные шары. Их мерцающие огоньки разлетаются, словно пушинки одуванчиков, вновь соединяются и уже в виде двух огромных, закрученных вселенных под тревожные, пронзительные звуки скрипок устремляются в разные стороны...

На следующий день Катя улетела.

6.

Продолжались гастроли по Канаде. Катя пела, танцевала, меняла города, снова пела и только ночью,

когда прекращалось наркотическое действие сцены, одни и те же вопросы начинали её мучить, не позволяя уснуть. Почему они вообще встретились, такие разные? Почему полюбили друг друга? Он в небе – она на земле. Он один, наедине со своими звёздами, она – всегда в гуще зрителей и поклонников. Будто противоположно заряженные частицы притянулись друг к другу, столкнулись случайно, и после уже никакая сила не сможет, казалось, их разлучить. Но куда деть ту грусть, которая исподволь уже накопилась в душе от повторения как будто счастливых и беспечных, а на самом деле, таких безнадежных встреч? Сможет ли Антон оставить небо? Она всегда мучилась этими сомнениями, когда они расставались, хотела понять, что будет потом, как жить завтра, послезавтра?..

Под конец гастролей ей приснился сон. Будто Антон едет куда-то на машине, а она под проливным дождём, вся промокшая, долго бежит рядом, размахивает руками, стучит в окно... Но вот автомобиль замедлил ход и, уткнувшись в дерево, остановился... Она тоже остановилась... Стекло не опускается, дверь не открывается. В машину не попасть. Никто не выходит... И не разглядеть, кто там, в машине. Она продолжает неподвижно стоять, а в какой-то момент вдруг понимает, что Антона там нет. Погиб, разбился, умер!.. Проснувшись от собственного плача, Катя почувствовала нестерпимую боль от осознания того, что всё кончено, и уже никогда не удастся его увидеть, сказать то, что хотела сказать... Выплеснувшись через край души, боль застилала глаза нестерпимо солёными слезами и долго не проходила... благодарная боль – ведь Антон был в её жизни!

После встречи в Ванкувере прошёл год, потом ещё два и ещё... У неё есть сын, она вышла замуж, бросила пение, переехала в другой город... Всё чаще сложные чувства к Антону замещались ясными мыслями, всё более логичными и убедительными казались давние доводы родителей в пользу совсем другой жизни.

«Многие любят дождь, – говорила про себя Катя. – Он стучит по крыше, и этот приятный, успокаивающий звук исподволь заставляет мечтать, думать о будущем, вспоминать прошлое... Приятно? Наверное, приятно. Но я этого никогда не понимала. В детстве в дождь нельзя гулять, становишься старше – опять неприятности – макияжу урон...» Конечно, Катя отдавала себе отчёт, что дождь питает землю и очищает жизнь. Прошёл он – и, пожалуйста, цветы дальше, пой, танцуй. Но всё время быть под дождём? И если есть за что любить этот дождь, то только за то, что он всё-таки кончается... или превращается в снег.

Так и с Антоном, его тёмно-серые глаза похожи на осенний дождь... Уйти от человека, с которым была счастлива, трудно. Но каждый раз, расставаясь с ним, она чувствовала и всё отчётливее понимала, что может столкнуться с настоящей утратой. А вдруг весь этот хрупкий и счастливый мир однажды треснет и рассыплется? Не будет семьи, своего дома, детей... И тогда никакая сцена не сможет дать ощущение душевного равновесия.

* * *

Увидев Катю в кафе, Антон быстро отвернулся и покинул зал. Давили непривычные, обжигающие сознание мысли. Словно Человек-амфибия, однажды

встретив любовь и погрузившись в глубокое, доселе незнакомое, но всё-таки земное чувство, Антон уже не мог так же, как прежде, свободно парить в воздухе, полностью отдаваясь лишь этому волшебному состоянию души. Ему надо было делать выбор, а он не мог, не умел. Или уже сделал свой выбор?

Он шёл по улицам Марбельи навстречу лучам уходящего солнца, вглядываясь в лица прохожих, запоминая их улыбки, жесты, движения. Вокруг текла обычная жизнь, беззаботно гуляли прохожие, обнимались влюблённые пары, дети пускали мыльные пузыри, а потом подпрыгивали, пытаясь поймать эти переливающиеся всеми цветами радуги шары...

7.

Минул ещё год. Катя гуляла с сыном в парке. Становилось всё темнее, и когда они уже уходили, хлынул ливень. Рядом лязгнул трамвайный вагон. Спасаясь от непогоды, они вскочили в раскрывшиеся двери и уселись на свободное место. Пожилой, с седой шевелюрой мужчина в пальто и с деревянной тростью, сидел перед ними и читал развёрнутую газету. Катины глаза машинально уткнулись в огромные страницы. Внизу справа где-то под рукой попутчика виднелась чёрно-белая фотография. «Антон! Там его лицо...» — в груди быстро и тяжело застучало, всё вокруг закружилось и стало исчезать за какой-то пеленой, и Катя уже не могла различить, что движется: трамвай или чёрные силуэты людей вокруг, где она и где её сын... Она крепко сжала руку ребёнка, нежно провела ладонью по непослушному хохолку на его макушке и, пряча лицо, отвернулась к окну. Катя обнимала за плечи сына, снова и снова

мысленно возвращаясь в счастливое морозное утро в Ванкувере...

Старый трамвай гремел по улице. Первый снег срывал с веток ещё не опавшие листья. Ветер подхватывал их, они неслись и сбивали мерцающие на стекле последние капли дождя.

Зеркало Любви

Шарль Бодлер. Муки творчества.

Осуждённые стихи¹

Рассказ

Потёмки творческого кризиса, закат чувств, сумерки привычек... Каверзы воображения, тупики и непрерывный поток поэтических ассоциаций. Бессильные поиски просвета, тьма воспоминаний, утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности...

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*

(Шарль Бодлер. Фонтан.
Пер. М. Яснова)

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведаёт о моих страданиях. Бальзак

¹ «Осуждённые стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали. Мои муки творчества – полностью мои! Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и, в то же время, необыкновенная улада! Потому что, в конце концов, – я знаю – мысль обязательно оформится в слова, они превратятся в изумительную мелодию, душе станет легко, и вот ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Такое возможно лишь при карнавальном состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветком... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю. Совсем плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое создание тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность. Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души,

извивам желаний, содроганиям совести! Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть радость от созданного тобой. И опять искать, искать...

Закутавшись в макинтош, под нескончаемым дождём, я зачем-то неделями брожу по отвратительным переулкам. Камни мостовой блестят, отражая и удлиняя тусклые огни города. Мысли не рождаются. Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступах... Я пробираюсь по лабиринту этих мрачных, сырых и грязных улиц с кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки... Могу ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы услышать и ухватить однажды произнесённое подвыпившим матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня словцо. Сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспаляться, и являлся невроз с его капризами, бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в невозмутимой позе сфинкса. Она думала вместе со

мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков в золотистых крапинках с какой-то разумной нежностью и таинственной пронизательностью. Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда – моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего слушатель – я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности. Не знаю, почему именно в данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такова потребность! Потребность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь, моя Правда мира, Истина, выраженная красотой! Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже, к нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая, нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я долго сижу в кресле у зеркала и, вороша кочергой уголи в камине, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня.

Ни единой мысли! Мелькнула одна, зашевелилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно.

Подложил пару поленьев. Их жадно поглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой потянулась чёрная струйка дыма, зажжёт бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал особенный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз вновь и вновь возвращаюсь к своим «осуждённым стихам»! Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше жуткое время и... вызвало неприятие. Знаю, поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые образы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность становится неотличимой от фантастики. Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контуры лица видятся в нём нечёткими, цветовые переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью. Вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы выкрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло бежевые панталоны, на груди огромный шёлковый бант. Я люблюсь своим отра-

жением и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

* * *

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу... Они такие разные! Обнялись. Кто-то вскрикнул. Губы обеих женщин жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бессвязными, бесстыдными, грубыми и вскоре вообще понятными только им двоим звуками. Тонкие белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули куда-то вниз, медленно заскользили вверх по тугим бёдрам и, поднимая лёгкий шёлк платья и нижней юбки, обнажили чулки и батистовые панталоны с кружевами. Спустя мгновение кружевное бельё вдруг скомкалось, превратилось в бесформенную белую ткань и быстро скользнуло вниз, на пол, обнажив вожаделенные красоты. Как возбуждает контраст тёмных чулок и подвязок с белой кожей! Как влечёт к себе лебединым изгибом ненаглядный сад! Всё это великолепие трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, я лишь угадываю чарующие линии. Неровными складками прикрывающая наготу ткань платья мешает, раздражает... Шквал эмоций обрушивается на меня, неуёмное воображение захватывает и не отпускает...

Моё убежище вдруг ожило и преобразилось. Старое грязное кресло вмиг превратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чудесной музыкой... Тела женщин сжались, подобно, как тысячи

нервных клеток разбегаются и через мгновение соединяются, чтобы принять новый удар... Я вижу их, смотрю с торжеством, как хищник любит добычу. Всей грудью вдыхаю аромат желания, вбираю в себя их тепло. Разглядывая извивающихся в экстазе женщин, я сливаюсь с ними, скольжу бесшумно, как змея, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги и руки переплелись на ложе любви?..

Постепенно всё расплывается перед моими глазами и куда-то исчезает... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить особой жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я не понимаю сам себя... Мною овладела нелепая и непобедимая смешливость. Будто я в детстве и с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей ярко-синее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня. Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг пропадают. Девочка... Вместо неё передо мной та самая женщина... Она обнажена и смотрит на меня. Я понимаю, что она чувствует мой взгляд, ощущает присутствие третьего человека. И мне это нравится. В сумраке обычной комнаты я, будто в эротическом сне мрачного символиста Босха, уединился с двумя грешницами под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающий воображение мир эфемерных желаний и чувственных удовольствий. Я слышу, я угадываю, как всеми клетками кожи женщины осязают мелкую дрожь

тела этого невидимого, но желанного человека. Желанного? Да, желанного! Но не от того, что он мужчина, а от того, что он видит, а они – нет, оттого, что он вместо них созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе их воображение. Гипнотическая сила этих токов наотмашь бьёт по обнажённым чувствам... На самом же деле они лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в теле невидимого созерцателя... Он совсем рядом. Его прерывистое горячее дыхание обжигает их лица. Этот острый, подрагивающий от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу... Они падают, попадают на грудь, живот, бёдра одной из женщин, всякий раз заставляя её тело напрягаться... До сих пор они чувствовали только запах тела друг друга, прикосновение пальцев, солёный привкус потных рук, завораживающие вздохи и шёпот дыхания. Теперь они видят! Воображают, будто видят! Видят его глазами... Кажется, что весь этот новый мир предстаёт перед ним во всём своём поэтическом чувственном блеске!

Меня опьяняло то, что своим созерцанием я дарю им полноту счастья! Меня дразнило то, что видя все подробности сокрытого от них и посторонних глаз чудесного действия, я не могу... Да, я не могу ничего! Даже прикоснуться. Но я же вижу! Я вижу, как они видят, что и как вижу я! И, если они не могут отвести зачарованных глаз от моего лица... Этого достаточно! Самые сильные впечатления рождает воображение, а вовсе не реальные события! Ведь обязательно наступит миг, и скрывающийся во тьме, кто бы

он ни был, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратно и без остатка растворится в блаженстве их волшебной ночи...

Наблюдая за женщинами, я почти не думал о себе. Так ни разу и, не прикоснувшись к ним, я вдруг начинаю чувствовать своими губами то ресницы зазывных глаз, то бархатную кожу колышущейся груди, то трепетное влажное дыхание. Это щекочет и распаляет фантазию...

Вот, одна из них уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Другая – совсем рядом, уселась поудобнее в моё кресло и внимательно всматривается в подробности таинственного действа. Как прилежная ученица на уроке физиологии она тщательно изучает все нюансы происходящего и в самый яркий момент, убеждаясь в достоверности только что увиденного, нежно дотрагивается пальцами до наших сокровенных мест...

Время остановилось! Эти чудные мгновения длятся вечно!

Кто-то нежно сжимает свои тонкие пальцы, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка, на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познанного ею рукотворного Создания... Наконец, настаёт тот чудесный миг, когда вся моя сущность, все мысли, все видения исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий сгусток нервов и плоти. Невидимые живительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля про-

бирается под тонкой коркой весеннего льда... Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкнула матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой вершине мироздания! Нежные пальцы сидящей в кресле, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук женщины стала влажной и скользкой.

Вскакиваю, путаюсь, зарываюсь в шелка их одежд... Наконец, нашёл, уткнулся... Коснулся лицом и вдыхаю в себя таинственный и запретный, восхитительный и дурманивший аромат... Захлёбываюсь им! Чьи-то упрямые ладони удерживают меня и не позволяют шелохнуться. И только одна мысль, не отпуская, гнетёт и гложет... Неужели это может закончиться? Чувствую, как горят щеки, пылают от восторга встречи с чудом...

Вдруг, случайно неуклюже повернувшись, скользнул по узенькой полоске холодного обнажённого тела... Там, над ажурным, тёмным чулком... В один миг, как по мановению волшебной палочки, окунувшись в реальность и до боли ясно обнаруживаю очевидное: «Это не для тебя! Это всё для него...» И вот он один на один перед входом в рай, пьяный от вседозволенности, красный от напряжения, заплаканный и запыхавшийся. Создание вздрогнуло. Это чья-то ладонь сжала и медленно, будто заманивая, потянула давно восставшее очарование к пылающему входу в бездну... Вот оно уже внутри! Тотчас врата рая сомкнулись и плотно стиснули его, не позволяя шевелиться. Всем своим телом оно ощущает, как

окружающие его влажные, чуть ребристые своды, начинают сокращаться. Они сдавливают воспалённый сгусток нервов и плоти, отпускают, снова обнимают, доводя до иступления...

Он вздрогнул снова и, почувствовав внезапную утрату наслаждения, тотчас сам устремилось обратно, в кратер восторга и обиды. Теперь ничто и никто его не сможет остановить! Уткнувшись во что-то там внутри и, не веря своему счастью, он вырывается наружу... Вырывается, чтобы убедиться, что это не сон, и опять вернуться. Дразня себя, и теща иллюзией бесконечности завораживающего процесса, он много-много раз отнимал, а потом вновь и вновь дарил себе удовольствие от восхитительного чувства первого знакомства...

Но что это? Опять кто-то незаметно подкрался и выхватил его из пылающей бездны... Опущенные густые ресницы скрывают глаза хулиганки. Я не вижу их блеска. Но кожей, всем своим нутром чувствую, как всю её невыносимо переполняет необыкновенное восхищение... Теперь она видит то, что не вижу я! Как мы сплетаемся в танце любви, как пространство вокруг нас становится тёплым, цветным, пульсирующим, тёмным и притягательным. А посреди этого зрелища содрогание трёх напряжённых тел и едва ощутимый звук скольжения всего моего воспалённого естества сквозь что-то манящее и ещё до конца неизведанное... Как же я хочу увидеть эти глаза!

Это продолжалось долго, пока однажды, в очередной раз, остановившись, чтобы ещё и ещё затянуть процесс наслаждения, я, покачиваясь от усталости, огляделся по сторонам и наконец-то встретился с широко раскрытыми, влекущими к себе глазами женщины. Её ресницы казались тонкими

лучами её играющих глаз, они чуть подрагивали, не просто так, а в такт прилива моих ощущений... Судорога пробежала по моему телу. Восхитительный всплеск чувств! Будто в колбе древнего алхимика, эти чувства скоро превратятся в мерцающий на свету поток жизни и любви. Чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит всех троих в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся в одно целое и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья. Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений» – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище, радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропыленная и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...

Срывая вереск...

Психологическое эссе

Семьи в Российской Федерации с матерями-одиночками составляют пять миллионов. С учётом полумиллиона семей с отцами-одиночками, полумиллиона детей-сирот и оставшихся без попечения родителей – это больше половины всех супружеских пар с детьми. Ещё пять миллионов пар вообще не имеют детей...

Из доклада уполномоченного РФ
по правам ребёнка)

Однажды я написал книжку «Сказки для бизнесменов». Почему сказки? Потому что на их примере можно доходчивее объяснить проблемы кризиса в бизнесе. Уверен, не каждый ответит: кто носитель проблем в «Золушке»? Нужно ли помогать Тане, которая громко плачет, потому что уронила в речку мяч? Как быть с бычком, который «идёт, качается, сейчас он упадёт»? Позднее появилось известное в среде предпринимателей и менеджеров научно-популярное издание «Немедленно ждать» – мое психологическое эссе о том, кто и чем управляет в кри-

зисном проекте в условиях неопределённости, с меняющимися ожиданиями участников проекта и архитектурой их отношений.

Прошло почти десять лет. Последние год-два, так уж получилось, мне довелось заниматься почти тем же самым, только в другой среде – в отношениях между мужчиной и женщиной. Не в бизнесе, а чёрт знает в чём... В «любви». Хотя, если говорят о формировании отношений, это уже не любовь!

Здесь, в Перпиньяне, мои зимние вечера уходят на псевдо-психотерапию. Спросите: «Почему „псевдо“»? Потому что я не психотерапевт, а кризисник. Тем не менее, памятуя о былых кризисных проектах, то по вотс-апу, то по скайпу ко мне за советом тянутся молодые поэтессы и художницы. Они все из Питера. Но с недавнего времени кто где. Кто в Москве, кто в Париже, а кто и на берегу Тихого океана, хоть на нашем, хоть чужом, или тут рядом, в Барселоне. Вышли замуж и уехали. Но что-то не так. Что-то не очень чтобы очень, или просто, как они говорят, «брак несчастливый». Миленько! Будто счастье только в браке, или «предприятие», коим по своей сути является «брак», может быть несчастным. Вечные проблемы с мужьями, женами, невестами и женихами! Начитались романов, разных сказок и ищут свои «Алые паруса». Путают все на свете: дружбу, влечение, симпатию, влюблённость, страсть... Даже не задумываются о том, что в браке, как и в бизнесе, вы «партнёры» с почти зарегистрированным «юридическим лицом» со всеми сопутствующими ему проблемами. А у них перед глазами литературные образы Карениной и Ростовой. Полагают, что любовь такая! Бедняжки! Как все запущено! Сколько разочарований!

*Какой бы сильной ни была женщина,
она ждёт мужчину сильнее себя.
И не для того, чтобы он ограничивал ей свободу,
а для того, чтобы он дал ей право быть слабой.*

Э.-М. Ремарк. Возлюби ближнего
своего

То, что мы все называем любовью, на самом деле чаще всего лишь страсть. Это слово – «страсть» – используют для обозначения высокой степени сексуального возбуждения в сочетании с общим эмоциональным влечением к партнёру. Но страсть, так же, как и влечение, – психические состояния с неосознанной или недостаточно осознанной потребностью человека. Эта потребность либо угасает, либо осознаётся, превращаясь в конкретное желание, намерение или мечту. Ещё страсть, как короткоживущее и преходящее чувство, иногда отождествляют с влюбленностью. Справедливости ради нужно отметить, что «сексуальное возбуждение» сложнее таких примитивных эмоций, как гнев, радость, печаль, удивление или отвращение. По своим субъективно переживаемым составляющим оно похоже на более сложные эмоции: гордость, стыд, вину и презрение. От сексуальной страсти прямая связь с проблемой стабильности или нестабильности отношений вообще. Наверное, поэтому часто слышишь каскад вопросов. Является ли эта «страсть» характерной только для ранней стадии пылкой романтической влюблённости, постепенно вытесняемой менее яркими, нежными взаимоотношениями? Может ли она стать основной причиной, которая удерживает пары вместе? Возможно ли, чтобы сексуальная

страсть, условие или даже гарант стабильности пары, являлась одновременно и потенциальным источником угрозы её существования? А может, лучше, когда отношения спокойные, нестранные, как бы безопасные, что ли?

О различиях между нежной привязанностью при стабильных отношениях в супружестве и страстью кратких любовных романов бурно спорили поэты и философы во все времена. Сразу отметим: страсть, как эмоция, может сопровождать некоторые пары на протяжении многих лет совместной жизни. Это возможно, если тонкое и глубокое чувство к другому человеку соединяется с ясным осознанием конечной тайны отдельности одного человека от другого.

Но вот весь сумбур из «сноса башки» и неконтролируемого влечения вдруг дополняет одна малюсенькая деталь. Эротическое желание постепенно перерастает в отношения с совершенно конкретной личностью, в которых бессознательная активация прошлого опыта и сознательные ожидания относительно будущей жизни пары сочетаются с формированием совместного идеала. Это уже «симпатия»! Она подразумевает некие соглашения и обязательства в области секса, эмоций, ценностей. Тут уже включается рассудок. Симпатия, как правило, возникает не на пустом месте. Это реакция на внешность, на поведение и черты характера другого человека. Её результатом становятся общие взгляды, интересы и ценности. Они даже выражаются симпатично и как-то социально окрашенно: в повышенном влечении и интересе к человеку, в доброжелательности, оказании внимания и помощи.

Оставим, однако, пока симпатию в покое. Там, где подключается рассудок, всё проще и понятнее. Чаше

мы имеем дело с другими эмоциями: страстью, влюблённостью и влечением. Что их объединяет? Все они кратковременны. Это раз! Не имеют ничего общего с рассудком. Это – два. Но есть ещё одно общее для них. Они рождаются из... эгоизма. Казалось бы, какой ужас! Откуда тут эгоизм? И почему тогда эти эмоции так нам нравятся и так живучи? Потому и нравятся, что они для себя любимого! Мы привыкли романтизировать свои собственные недостатки и выдавать желаемое за действительное. Рисуем свои милые пороки, будто в мемуарах, исключительно с изящной стороны, как бы по-новому осмысленные и вымученные. Согласитесь, рассказывать жизнь свою самому себе должно быть очень интересно. Смотришь, как на чужого, и забавно ловить мысли свои на попытках соврать, спрятать что-нибудь...

Показывают в кино и пишут не о «симпатии» и уж, конечно, не о «любви». Это понятие настолько интимно, настолько незаметно и долговременно, что не привлечёт ни массового читателя, ни зрителя. Если в детективе главное – погоня, то для показа «любви» нужна страсть. Чувства, имеющие шанс быть долгосрочными, неинтересны! В кино в сексуальных темах «любовь» и «нежность» полностью изолируются от каких-либо элементов эротики. Допускают лишь отдалённые намеки на них, и только в связи с идеализированными персонажами.

Неудивительно поэтому, что, говоря о своих чувствах, юные барышни, интуитивно ощущая диалектику яркой эмоции или вспоминая бодлеровский постулат о неизбежной двойственности «прекрасного», часто повторяют что-то подобное: «Мне казалось, любовь – это такое сложное и противоречивое чувство. С одной стороны романтическое,

наполняющее, окрыляющее. С другой – надрывное и болезненное».

– Ещё немного, – подыгрываю я, – ещё чуть-чуть, и чудо произойдёт... Но «...по минутам осыпается ожидание невозможного...» (*Р. Лисиц*).

И вдруг – хлоп! – продолжает «парижанка», не обращая внимания на мою цитату из хорошей песни, – одна нотка в голосе, мгновение потухшего взгляда... И сердце разбито.

«Ох уж эти творческие особы!» – подумал я и добавил:

– И ведь всегда кто-то виноват! Один «недолюбил» и навязчив, как Каренина. Другой, как Вронский, «перелюбил», просто хочет работать и тяготится притяжением близостью...

Даже в самой сильной страсти бывают минуты, когда человеку вдруг кажется, что он «больше не любит». Думая о своей некогда возлюбленной, он уже почти не испытывает удовольствия. Жизнь с ней для него утрачивает былой интерес. Самая печальная и унылая пустота сменяет состояние, хоть и тревожное, но когда-то приносящее новое, страстное и увлекательное. Всё! Кончилась любовь! «...И ветер дождём швырнул в заплаканное окно...» (*И. Сергеева*).

Конечно, ежедневное живое общение неминуемо порождает мощные скрепы. Блеск глаз, теплота и ласки рук... Это не может не вымывать все лишнее и негативное. Более того, сама прерывность отношений порою может нести защитную функцию, помогающую устанавливать различную степень равновесия, стабилизирующую взаимоотношения и позволяющую партнерам отыгрывать свой «сумасшедший мир».

Но вот общение, теплота и блеск глаз сами становятся каким-то потусторонним и тоже лишним. Как бы пара ни старалась смаковать созданную ими иллюзию тепла, – все это уходит в небытие. Разочарования и обиды нарастают и цементируются, так что их трудно растворить моментами близости. Легче разрешить их отщеплением друг от друга различных переживаний, поддерживая душевный мир ценой фрагментации отношений. Постепенно вымывается потребность слышать другого. Незаметно появляющийся вокруг тебя непроницаемый кокон скоро начнёт отталкивать всех, кроме того, кто «взял на себя ответственность», кто «не радуется за чужой счёт», кто «хочет быть только с тобой» и не играет в виртуальное единение чувств, имитируя ячейку общества.

Он и она по-разному выносят прерывистость связей. Женщина обычно устанавливает строгую границу между старой «любовью» и новой. Мужчина, обладая большей способностью выносить разрыв между эмоцией и эротикой, напротив, может продолжать секс с женщиной, даже если его эмоциональная привязанность сосредоточена на ком-либо ещё.

Да, случается, что ушедший пытается вернуться, а не просто продлить привычное поведение. Так бывает, когда он чувствует, что потерял или забыл что-то очень важное и нужное. Он снова и снова мучительно вспоминает и навязчиво ищет встречи. Иногда находит. Но чаще приходится признать: что-то безвозвратно ушло. Больше не будет ежедневных разговоров по телефону часами напролёт ни о чём и обо всём на свете! Не получится окунуться друг в друга целиком и захлёбываться, вдыхая возбуждающий аромат тела... Как же больно врезаются в сердце

строки из стихотворения Аполлинера: «Срываю вереск, осень мертва. На земле – ты должна понять – мы не встретимся больше...»! Но сегодня это уже реальность. Возвращение к той странице жизни почти не вызывает эмоций. Она теперь не эта, а та. Не здесь, а где-то там. То, что было таким важным, чем ты дышала, что чувствовала, кем любовалась, что было твоим настоящим, вдруг стало прошлым. От этого становится холодно и неудобно. Ведь теперь в настоящем образовалась пустота...

Или свободное пространство?

Как легко порою мы забываем: «...великий секрет жизни: лечите душу ощущениями, а ощущения пусть врачует душа» (*О. Уайльд*). Произносим привычные слова: любовь, теплота, пустота и даже не отдаём себе отчёт в том, что каждое слово произнесённое – это вербализованное ощущение. Оно уже или бьёт, или исцеляет. От того, как мы чувствуем и понимаем, зависит наше общее состояние и настрой. Пустота – это когда чего-то нет, что-то ушло, убыло, растворилось. «Там над лесом чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката. / И на судьбы неслышно ложится, / Пусть минутная – всё же утрата» (*Е. Игнатьева*). В какой-то миг своей жизни все люди ощущают утрату и чувствуют себя одинокими. В сущности человек одинок всегда. «Ведь жить – это непрестанно прощаться с тем, чем мы были, становясь тем, чем мы будем, – вечно чуждым нам будущим» (*О. Пас*). Так опустошение или освобождение? Освобождение места для чего-то нового, когда появляется ещё одна возможность, потом другая?

Не сдержаться! Хочется продолжить строки про «утрату»: ...но с утра мы забудем про это, про утрату, про землю, про лес, мы проснёмся с лучами рассвета...

и почувствуем влагу с небес. Прописная истина – после осени пройдёт время, и обязательно наступит весна! Расцветут новые ветки вереска... Эту встречу с аполлинеровским «запахом Времени» мы всегда ждём. И она обязательно состоится! Нужна только сущая малость: уметь ждать и «Увидеть мир в одной песчинке / И Космос весь – в лесной травинке! / Вместить в ладони бесконечность / И в миге мимолётном – вечность!» (У. Блэйк). Да, когда что-то кончается в жизни, будь то плохое или хорошее, остаётся пустота. Но «пустота, оставшаяся после „плохого“, заполняется сама собой. Пустоту же после „хорошего“ можно заполнить, только отыскав что-то лучшее...» (Э. Хемингуэй). Сначала спросим себя: «А может, это и не любовь была вовсе?» Есть же влюблённость, страсть, влечение, симпатия, дружба, семья, брак, наконец. Целая свора всяких понятий! Как понять или почувствовать? Как раскрыть тайну «пылающего Разума»? Ничего невозможного! Всё, что не любовь, можно объяснить и определить. Весь вопрос в том, что это было на самом деле? «Плохое» или «хорошее»?

Запомнили всю свору понятий? Ну-ка! Которое из них плохое?

Когда вы хотите, чтобы вас ласкали и возбуждали, – это страсть. Если ждёте, чтобы о вас всячески заботились, делали вам подарки, обеспечивали вас, – это инфантилизм. Хотите, чтобы вас неистово любили, жить без вас не могли, разделяли с вами всё своё время и отвели остальное на второй план? Это эгоизм. Когда вы хотите срочно родить ребёнка от конкретного человека – это биология...

Кстати, жить так, как вы хотите, – не эгоизм. Эгоизм – это когда другие должны думать и жить так,

как вы этого желаете. Здесь не всё так очевидно! Ведь это своё, родное, его сразу не распознаешь! Даже «если вы что-то сделали для близкого человека, но при этом вам не нравится его реакция. Кажется, что он невнимателен или неблагодарен, значит, вы это сделали для себя» (Э.-М. Ремарк).

Нет! Это не про «любовь». Это про другое. Похоже, что это про «источник самообмана, который выражается в „конфликтной игре“ „зеркальных отражений“» (Ж.-П. Сартр). Хорошо сказано! Ёмко. Действительно, всё в этом мире устроено по принципу зеркала. Наше окружение является нашим отражением. С помощью других людей вы можете понять, что есть в вас самих. Если вы недовольны окружением, своей работой – вы недовольны, прежде всего, самим собой. Люди просто отражают наше представление о себе. Что во мне, то и вовне! Наш внутренний мир взаимосвязан с внутренними мирами других людей. И если вы окружены добрыми, светлыми, любящими людьми, значит, вы сам такой же. Работайте над собой – и мир вокруг изменится! А любящий человек – это тот, ради которого вы готовы пройти все трудности и изменяться к лучшему. Тот, кого вы примете полностью, со всеми его недостатками.

Любовь проста и естественна, приземляет прочно и прямоком в реальность. А ещё она деятельно прикладная, так как не замкнута на себе, а предназначена «для». И к тому же она заботлива. Не озабочена, а заботлива. Еще Стендаль в позапрошлом веке такое увидел и назвал «кристаллизацией» – обязательным условием «зрелой любви». Именно здесь зарождается не что иное, как признание другого такой же личностью, как ты сам. Здесь нескончаемый поток открытий его или её новых и новых

достоинств... Здесь обоюдная эмпатия и идентификация своего «Я» с болью или радостью другого...

Но нет в любви той самой *боли*, о которой говорила «парижанка», нет надрыва, остроты, ни разбитого сердца, ни каменного. Не нужно никому ничего доказывать. Очень малой надежды достаточно, чтобы вызвать к жизни любовь. Через два-три дня надежда может исчезнуть, а любовь уже родилась. Она рождается и гаснет без малейшего участия воли. Вокруг всё крутится, вертится, качается... Как в детском калейдоскопе. А Она – светлый покой души, ровное биение сердца, глубокий вдох и долгий выдох. Ни слезинки, ни упрёка...

Может, именно из-за подмены понятий у нашей «парижанки» и появляется ощущение *боли*, мол, «что-то не так, что-то не очень чтобы очень...»? Кстати, девушка не одинока в своём восприятии «любви». Так же размышляет мексиканский поэт Октавио Пас. Он даже «украсил» своё видение метафизической формулой. «Любовь – это точка пересечения между желанием и реальностью. Она *открывает реальность желанию* и создаёт переход от „эротического объекта“ к „любимому человеку“. Это открытие почти всегда *болезненно*, поскольку любимый человек представляет собой одновременно и тело, в которое можно проникнуть, и сознание, в которое проникнуть невозможно». Противоречие самой природы любви, говорит Октавио Пас, в том, что *желание стремится к осуществлению* с помощью разрушения желанного объекта.

Да, никуда не денешься! Сказалось, не могло не сказаться частое общение будущего нобелевского лауреата с сюрреалистами. Те, ради достижения глубин подсознания, нередко выполняли свои работы

под воздействием гипноза, алкоголя, наркотиков или голода. Это именно они придумали теорию «*освобождения желания*».

За «Невыносимую *легкость бытия*» (М. Кундера) Нобелевскую не дают! Лучше попробуйте сыскать мучения и *боль*! Да не в страсти! Тут любой сподобится. А в самой любви! Пусть даже чисто теоретически, пусть в фантастическом сне или в «Лабиринте одиночества»... Почувствуйте «Тошноту» с её невозможностью любви и доверия, или заболите «Чумой» с неизбежностью смерти и размышляйте: как быть? Потом вылезайте из узкого «Лабиринта» и где-то в затерянных джунглях окунитесь в «Сто лет одиночества». Или просто отдайте своё сердце «Клубку змей» и станьте великим мастером убивать в себе всякое чувство и довольствоваться простейшими отношениями...*

К мечте только через страдания! Ведь так?! «*Per aspera ad astra*». Сенека сказал! Не кто-нибудь. Сартр, Камю, Маркес, Мориак, да и Пас... это лишь повторяли. Правда, каждый, пропуская через своё «Я» большого художника.

Западная философия и мировоззрение вообще пронизаны приматом изменений. А они не даются так просто! «Менять течение рек», «высокие горы сдвигать», или однажды появившееся «желание» вдруг само собой устремится к осуществлению... Вот беда-то будет! Сколько страданий, мучений и *боли*!

А зачем всё это? На Востоке, к примеру, иначе смотрят на мир. Гармонично и мягко встраиваться

* «Лабиринт одиночества», «Тошнота», «Чума», «Сто лет одиночества», «Клубок змей» – произведения нобелевских лауреатов по литературе Октавио Паса, Жан-Поль Сартра, Альбера Камю, Гарсиа Маркеса, Франсуа Мориака.

в существующую природу, не менять, не разрушать, а регулировать архитектуру любых отношений. Тем более между людьми! Учиться ждать... Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать. Правда, это совсем не просто. Помните, что самое главное? «Самое главное – сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть!» (Н. Добронравов). И тогда море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в вашу душу, наполнит восторгом, умилением и не вполне понятной истомой...

Уж если диалектика, то пусть она проявится и здесь! В уважении или хотя бы терпимости ко всем взглядам на жизнь. Ведь изучал Октавио Пас и восточную, и западную культуру, переводил и Басё, и Аполлинера! При чем тут сюрреалистическая «точка пересечения между желанием и реальностью», воздвигнутая с «замахом сказочного дровосека»? Любовь не партнёрство, которое считается браком, не страсть с ее бессознательным аффектом или болезнью и не слепой инстинкт, который гасит мысль и парализует волю. Это чувство глубокой привязанности и устремлённости к чужой жизни и желание украсить её радостью и красотой. Согласитесь, чтобы уважать или украшать, совсем не обязательно испытывать жгучую боль!

А если это действительно Она, Любовь? Тогда вообще всё просто. Когда вы любите – вы ничего не хотите. Вы просто любите. Вы ходите по квартире, пишете письма, пьёте чай, говорите по телефону – и одновременно любите того человека. Он может быть в это время где угодно и с кем угодно. Он может даже не знать о том, что вы его любите. Да, это не практично, иррационально и странно. Но именно

это и есть любовь. Всё остальное – человеческие страсти.

«Можно любить женщину очень сильно и всё же не мечтать о том, чтобы прожить с ней всю жизнь» (С. Моэм). А «лучший способ сохранить любовь мужчины – не выходить за него замуж» (К. Денёв). Смотрите же, как одинаковы мысли британского писателя-разведчика, автора 78 книг, и одной из самых элегантных, красивых и стильных француженок, актрисы из давнишнего полюбившегося всем французского фильма «Шербурские зонтики»! Разные страны, разные времена, разные люди...

Мучительно выстраивать можно отношения, но не любовь. Бороться можно за первое место на конкурсе или свои права, но не за любовь. Ожидать можно честности или понимания, ответственности за слова и поступки, но не любви. Любовь – не имеет практического результата. Нужно научиться называть всё своими именами, и тогда всё станет на свои места.

Любовь – это просто приятное тепло внутри вашего тела. Это когда от него ничего не нужно. Ни общения, ни секса. Ничего... Я чуть-чуть утрирую! Только бы он был на этом свете. Со всеми его недостатками, женатый, с детьми... Просто когда я думаю или говорю о нём, какое-то нежное тепло наполняет меня. И всё! Любовь связана с вами. Это способ существования. Это такое ваше свойство, качество – уметь любить.

Действительно, ведь если любимый человек ушёл, вы всё равно сможете его любить. Те, кто уходят из жизни, – тоже в нашем сердце. Кто-то хорошо сказал: «Мы привыкли использовать другого человека в качестве ключа, чтобы открыть то, что уже и

так есть внутри нас самих. Ведь нет же ни замка, ни двери, ни стены... А отыскав подходящий ключ, начинаем бояться его потерять!» Мечтаем, как в детстве, повесить его на шнурочке на шею. Как только мы пытаемся это сделать, две жизни стремительно покатаются в разные стороны или к пропасти!

Что же делать?

Помнить, что лечить душу нужно ощущениями! Самим управлять своей радостью, счастьем, а не уповать на внешние стимулы! Нужно помнить, что любовь живёт не в другом человеке, а в вас! Осознать это – значит быть свободным. Ведь как нас учит философия? Свобода – это осознанная необходимость!

Внутренняя свобода дарует вам самую большую уверенность в себе, которую не купишь ни за какие деньги, не заслужишь никакими поступками. А с таким человеком, наполненным светом, добротой, любовью и счастьем, естественно, захочет быть каждый.

Как нет абсолютно неразтворимых веществ, так, наверное, нет и абсолютно «чистой любви». Любовь, как глубокое и долговременное чувство, совсем не исключает ярких проявлений и влечения, и симпатии, и страсти. Именно поэтому, остро переживая такие мгновения, многие считают, что это и есть любовь. Сразу хочется остановить эти мгновения, создать из них нечто прочное и долговременное. Увы! Чаще всего это приводит к неприязни и даже вражде. Автор «Человеческой комедии» так и сказал: «Брак – это война до победного конца... и победа, то есть свобода, достаётся тому, кто более ловок» (*О. де Бальзак*).

Когда мы слишком привязаны к кому-либо, будь то домашнее животное или человек, вместо того,

чтобы относиться к нему как к отдельному существу с его собственной жизнью, мы разбиваем себе сердце.

Почему любовь – это всегда свобода без напряжения, а мы пытаемся удержать её любой ценой? Цепляясь, мы испытываем страдание, если не получаем желаемый объект. А если мы всё же становимся обладателями объекта желания, он в конечном итоге меняется или исчезает, что обязательно причиняет нам страдание.

Получается, что мы заранее стараемся защитить себя от угроз потери и в физическом, и в психологическом смысле, и поэтому цепляемся ещё сильнее. Но чем крепче мы за него держимся, тем более отчаянным становится наше положение. Ведь мы не в силах контролировать других живых существ. Всё в этом мире нуждается в дыхании и переменах. Мы забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жены, ни дети или внуки, ни друзья или возлюбленные... Можно только чем-то делиться с ними. Зато то и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас оберегла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Освобождение объекта желания – это не отказ от него. Напротив, вы можете быть настолько близко к нему, насколько вы этого хотите. Никто не призывает вас отказываться от всех тех приятных вещей, которые приносят в нашу жизнь отношения. Просто вы должны понять, что любить человека – это значит позволить ему оставаться самим собой.

Вспомните, как вы наблюдаете закат. Вы полностью отдаётесь любованию, не переживая о том,

что он скоро закончится. Вот солнце полностью село за горизонт, а мы чувствуем себя при этом в полном порядке. Хорошие родители воспитывают детей, окружая их заботой и любовью, но понимая, что это маленькие люди, которые вырастут и станут полноценными личностями со своими собственными жизнями. Если родители любят детей, а не считают их частью себя, то они без страха отпускают их.

То же самое и с нашими «вторыми половинами». Фу! Уже здесь, в этих двух словах заложена глупость! Любить их – это значит признать, что они тоже живут, позволить им дышать и быть несовершенными, оставлять пространство для совершения ошибок. Любить – это значит слушать, дарить нежные прикосновения и относиться к опыту другого с таким же пониманием, как и к собственному. Это означает заботу без разрушения и цепляния, а не борьбу с возможностью теоретической потери и «по минутам осыпающимся ожиданием невозможного...».

Но как хочется зрелости отношений сразу! Так нет же – они приходят только со временем. Здесь и сейчас мы ищем эмоциональную связь, которая развивается лишь с годами, а в своё оправдание вспоминаем о любви «с первого взгляда». Легко вступаем в отношения при малейшем притяжении к человеку, а потом – прямо как в фильме «Затмение» Антониони – так же легко выходим из них. И не только тогда, когда находим кого-то лучше. Мы не хотим мучиться и открывать новое и хорошее в этом человеке. Нам надо, чтобы он сразу был идеальным. Мы вообще не умеем находить позитив в любой ситуации и тем более его ценить. Только негатив! Прямо как в телевизоре! Пожар, наводнение, ДТП... Конечно, ведь запоминается только негатив! Как след-

ствие, мы во всех заранее разочарованы... и боимся ошибиться.

Ах, это новое поколение! Насмотревшись на финансовые катаклизмы, на перманентный передел собственности, оно боится. Боится влюбиться, жениться, потерпеть неудачу, почувствовать боль, разбить себе сердце, иметь недвижимость, в конце концов. Оно не подпускает никого к себе и не подступается ни к кому. Оно давно забыло или никогда не знало, что «успех – это способность шагать от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма» (У. Черчилль).

Они хотят, чтобы всё было легко и быстро. Достаточно одного препятствия, чтобы опустили руки. Они не позволяют любви расти, уходя раньше времени, ищут не любви, а острых ощущений. Хотя всегда уверены в обратном. Они хотят того, с кем можно сходить в кино и кафе, а не того, кто может их понять, даже когда они молчат. Они проводят вместе время, но не создают общие воспоминания.

Им не нужен партнёр на всю жизнь, а лишь тот, с кем будет хорошо здесь и сейчас. Когда страсть угасает, они понимают, что никто не готовил их к обыденности жизни. Они погружаются в бессмысленную или даже очень важную городскую суету, не оставляя места любви. Они занятые, мобильные люди, преследующие материалистические мечты, и любовь в эту конструкцию ожиданий просто не вписывается.

Они сидят за высокими стенами, которые возвели вокруг сердца, ждут любви и сбегают, прячутся каждый раз, когда она появляется на горизонте. Боятся быть уязвимыми. Как Шарль Бодлер, не хотят

оголять свою душу ни перед кем. Вычурная одежда, скрывающая естественные формы тела, пища, сдобренная специями, женское лицо в жуткой косметике – всё это различные проявления страха перед живой, непредсказуемой, неукротённой жизнью. В её неоформленности и случайности нечто родственное хаосу, и потому они всегда пытаются набросить на неё искусственное, ими же сотканное покрывало. Это бунт против всего, что нас окружает, против всей вселенной! Раз уж изменить её они не могут, тогда это такой способ скрыть себя, повести взгляды других людей по ложному пути, не дав им увидеть себя настоящего.

Слишком часто мы фокусируемся на ценности того, чем мы обладаем. Мы зацикливаемся на своих тревогах и страхе потерять любимого человека, работу, знания, машину, квартиру... А в результате это всё равно случается, мы их теряем или забываем. Мы не умеем испытывать счастье. Более того, мы не умеем быть счастливыми, когда остаёмся одни. А ведь это самые долговременные отношения!

* * *

Вы встретились потому, что были влечение и симпатия. Вам было интересно друг с другом. И даже если вы расстанетесь, то никогда не забудете это счастливое время. Вы не всегда будете счастливы, будете раздражаться, беситься, притираться, выяснять отношения. Будут периоды, когда секс будет ужасен, разговоры утомительны, кино скучное. Это всё течение жизни, закономерное и понятное. Его нужно стараться преодолеть, находить интересное друг в друге, поддерживать в начинаниях, утешать в разочарованиях.

Хотите понять, имеете ли вы здоровые отношения или это болезненная привязанность? Тогда ответьте на вопрос: могу ли я отойти в сторону, сохранив спокойствие и чувство заботы? Могу ли я отделить его тёплые слова от поступков? Ведь только действия человека говорят о его личности и его отношении к вам.

«Не верьте словам. Просто наблюдайте – и вы увидите истину» (*Дж. Б. Шоу*).

Химия «Любви»

Эссе

*Говорят, любовь — самый выгодный вклад.
Чем больше отдаёшь, тем больше получаешь
в ответ. Не в том дело!
Любовь самый уникальный вклад — чем больше
её даришь, тем больше рождается в вас самих.
Если бы все это понимали, насколько легче
было бы жить!*

Одри Хепберн

Для того, чтобы понимать, о чём речь, давай назовём влечение и привязанность — «гормональной любовью». А любовь, о которой так все мечтают и которая «вечная», назовём «безусловной любовью».

Почему гормональная? Потому что она обусловлена половым влечением, физиологией и эмоциями, что создаётся набором гормонов. А этот набор, в свою очередь, зависит от наших мыслей и физического состояния. Почему безусловная любовь? Потому что вечной может быть только такая любовь. Как только у любви находятся условия, то появляется время. А время всегда имеет и начало, и конец.

Лёгкое влечение уже меняет состав индивидуального гормонального коктейля. Добавляет в него

больше *дофамина, адреналина, эндорфинов, окситоцина и вазопрессина*. В начале влечения, хоть сексуального, хоть личностного, вырабатывается *дофамин* – гормон целеустремлённости и концентрации. Он мотивирует нас добиваться цели, вызывает желание обладать. Потом повышается выработка *адреналина* и нам хочется «высокие горы сдвигать», «менять течение рек» и «по полюсу гордо шагать». Мы чувствуем вдохновение. Увеличиваются наши обычные возможности. Даже работоспособность растёт. Можно успеть всё!

А если нет? Тогда страх. Боязнь потерять, ревность, слёзы...

Кстати, химический состав слёз тоже меняется в зависимости от причины, которая их вызвала. *Базальные* и *рефлекторные* – это обычная реакция на механические или химические раздражители. *Эмоциональные* слёзы – те от эмоций. Они выделяются, когда человек действительно плачет. В них содержатся специфические гормоны *пролактин* и *АКТГ (адренокортикотропный)*, причем большой концентрации.

При физическом контакте с тем, к кому влечение, высвобождаются *эндорфины*. Это приносит удовлетворение, чувство благополучия и защищённости. Как ни странно, именно на этом этапе снижается выработка *серотонина*, гормона счастья и спокойствия. Поэтому состояние, обозначаемое бытовым понятием «любовь», часто ассоциируется со страданием. Участники физического контакта «глупеют», так как из-за снижения *серотонина* уменьшается познавательная функция, очень трудно сосредоточиться. А вот когда отношения переходят в фазу взаимного доверия, симпатии и уверенности

друг в друге, начинается активная выработка *окситоцина* и *вазопрессина*. Это гормоны нежности и привязанности. Они же понижают выработку гормонов, зашкаливающих при влечении. И потому страсть угасает, но растёт взаимная нежность и привязанность.

Ты хочешь «вечной» любви? Давай посмотрим правде в глаза. О какой любви идёт речь? Уверена ли ты в том, что хочешь именно «безусловной любви»?

Задайся вопросом: за чем ты гоняешься? За позитивными эмоциями, которые можно пережить на этапе влечения и даже влюблённости, или за правом обладания кем-то или чем-то? И ещё наверняка желательно, чтобы это всё было навсегда. Вот такой «вечной» любви ты хочешь? Гарантий хочешь? Гарантий, что эти чувства и эмоции будут всегда и человек «любимый» будет с тобой всегда. Ну хотя бы потому, что любимый человек рассматривается как источник этих чувств и эмоций.

А когда теряешь ЭТО? Мгновенно разочаровываешься во всём, говоришь, что никакой любви нет вообще. Страдаешь... Но ведь так происходит со всем самоисчезающим. Искра или снежинка... Загадочные звёзды... Они ещё светят, а их уже нет! Природоподобные технологии и сюда пробрались! А то привыкли, понимаешь, добыть руду, выплавить сталь, сделать болванку и уж из неё выточить болт...

Так же и «вечная любовь». Ой, как хочется это представить! Образно, зримо, с запахами... Увы! Есть круг вещей и явления природы, которые содержат в себе маленькую тайну, возможность развешествления и приближения к бесконечности. К числу таких материальных явлений, выражающих призрачность самой материи, относятся: всё та же снежинка, тень,

звёзды... Эти вещи кажутся магическими, они находятся на грани бытия и небытия, они есть и в то же время их нет. Они являют двойственность, парадоксальность самой жизни.

Это чем-то напоминает неуёмное и вечное желание человека представить себе «электрон» или «бесконечность». Она ведь не в количестве звёзд! Это всего лишь «вещество» – конкретный вид материи! А вот переходы из вещества в другой известный вид материи – «поле»... Вот они бесконечны!

Эмоции приходят и уходят. Они не могут длиться вечно. Такова их природа. Но и «безусловная любовь» тоже не может гарантировать ничего, кроме самой себя.

«Безусловная любовь» – это не эмоция. Это настолько тонко! Тонко, как диаметр «трещины» во Вселенной. Он меньше атомного ядра... И настолько же «бесконечно» – несколько световых лет! Такое трудно поддается описанию. Да и неинтересно ни читателю, ни зрителю. Об этом нет ни в одной книге, ни в одном фильме! В жизни это присутствует просто так, ещё до всех эмоций! Это энергия, в которой мы оказываемся и пребываем...

Вот, все гормональные переживания могут уйти, а ЭТО останется. Все условия исчезнут, а «безусловная любовь» останется. Как золото остаётся, когда все другие примеси уже расплавились и убраны. Это есть всегда, просто эмоции более грубые и отвлекают внимание на себя. Из-за привычки бегать за сильными и яркими переживаниями ты не можешь заметить Любовь. Она ведь тихая и есть всегда. Одна она может дать чувство удовлетворения и покоя, доверия и уверенности, счастья, в конце концов.

Вот тень... Она воспринимается только взглядом, но не ощупью, не запахом, не слухом; дым обладает видимостью и запахом, но почти лишён осязательности, стекло осязаемо, но почти невидимо. Это обманчивые вещи, которые частью даны, частью отсутствуют и, вызывая стремление проверить, закрепить их существование в других органах чувств, обнаруживают свою иллюзорность.

Есть и негативная сторона в «безусловной любви»: её не только не нужно заслуживать – её ещё и нельзя добиться, вызвать и контролировать. Поэтому если её нет, то ничего нельзя сделать, чтобы её создать. Это сущностное состояние. Состояние, к которому все стремятся, но путают его с гормональными спецэффектами.

Причём, если тебе удаётся в полной мере переживать такое состояние Любви, то и гормональный фон гармонизируется. Любовь действует как камертон, на который настраиваются все чувства, и твоё эмоциональное состояние улучшается. Кажется, что обязательно нужно быть влюблённой. Так жизнь воспринимается радостнее, ярче, позитивнее, она обретает некий смысл... А с открытием «безусловной любви» уже не важно, есть влечение и влюблённость или их нет. Ушла зависимость от ярких эмоциональных переживаний, но сами переживания не исчезли. Ушла зависимость в отношениях, но отношения остались. Появилась свобода.

Свобода любить и отпускать без сожаления. Свобода быть собой и позволять быть собой другому человеку. Свобода отдавать и не ждать ничего взамен. Свобода радоваться счастьем другого человека, даже если он не с тобой. Свобода принимать всё, как есть. Свобода говорить себе и «нет», и «да»!

Ты можешь чувствовать одновременно и «безусловную любовь», и «гормональную». Они смешиваются в твоём восприятии, и ты не можешь различить одну от другой. Но отношения и жизнь дают тебе множество возможностей для того, чтобы их разделить и почувствовать.

Предчувствие

Эссе

Сегодня поздно вышли гулять. Сразу к Мольеру на площадь. Там тихо, никого в это время нет. Сидим с Масиком на скамеечке, и я ему читаю монологи Сиды и Фигаро. Приучаю к мелодии французского стиха... Благо ни Корнеля, ни Бомарше, ни улиц с их именами рядом нет.

Глядь, а из переулочка Шарля Перро, как из сказки, выходит барышня с собачкой. Мой товарищ – ноль внимания! Никакого желания демонстрировать какую бы то ни было озабоченность. Весь в литературе. Собачка, тоже джек-рассел, подбежала ближе, хвостиком вильнула... «Ну это уже слишком! – вставая на свои коротенькие ножки, подумал Масик. – Я в искусстве, понимаешь, а эта... Гав! – громко вымолвил он и повторил вполне определённо: – гав, гав...»

– Тося, Pour moi! Не приставай!

– C'est joli! – только и произнёс я, услышав непривычную смесь французского с русским и, предчувствуя удачу, размышлял: «Потом, скуки ради, будет с кем поболтать. Может получится неплохое эссе! Эдакие непрехотливые извивы чувств...»

Девушка в «моём» шарфике цвета хаки, в коротенькой белоснежной курточке, с золотистыми пря-

дями каштановых волос, спадающими на плечи, мельком, взмахнув ресницами, взглянула на нас и тотчас отошла в сторону. Потом присела на корточки и принялась теребить щенка. Продолжая игру с собачкой, она встала, хлопнула в ладоши, щенок перевернулся на земле и отбежал в сторону. Милая шатенка тоже побежала, на мгновение обернулась, сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней, потом на Масика, и будто Золушка, исчезла так же быстро, как и появилась...

Видимо, затерялась где-то во дворах улицы Мишеля Монтеня, главного эссеиста всех времён и народов. Это он впервые, ещё до меня, попытался говорить сразу обо всём и ни о чём, не имея предварительной темы, жанра, идеи, но как бы пробуя себя и в том, и в другом, и в третьем.

Прелюдия

Эссе

Утро. Лесная тропинка вдоль осеннего холодного моря. На земле мокрый ковер из бордово-жёлтых листьев, шуршит поблекшая трава. В воздухе свежая сырость от прошедшего дождя, всю ночь приятно стучавшего по окну. Волны быстро набегают на каменистый берег и, кусая его, бессильно откатываются назад. Красиво улетают птицы. Внезапный порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания...

Баня уже готова. Дубовые и берёзовые веники распарены. Медленно растекается аромат разогретого тёмно-янтарного жасминового масла. Он немного гуще и ниже запаха цветущего здесь жасмина, с явно медовым тоном и лёгкими нюансами амбры и свежей зелени. Наполнив парилку, этот аромат ненавязчиво напоминает о радостях прошедшего лета, разжигает фантазию и вызывает лёгкую эйфорию...

Сначала спокойно сидеть и вдыхать насыщенный целебными запахами горячий воздух. Потом подбросить на раскалённые камни чуточку воды с капельками настойки из берёзовых листьев, насладиться её шипением и, наконец, не касаясь тела, размахивать вениками, подгоняя вплотную к спине и ногам горячий воздух. Как же приятно наблюдать появление на теле одинаковых крохотных капелек!

Это поры помогают коже дышать, увлажняют и защищают её...

Нет, нет, парить ещё рано! Теперь на стол для мыльного массажа! Набор из жёстких и мягких мочалок и губок, тазик с горячей пеной от мыльной воды... Всю пену на тебя! Она впитается, и через минуту-другую можно начинать. Сначала жёсткая мочалка разотрет всё тело от ног до шеи. Пена сойдёт, и станет видна покрасневшая кожа на бедрах, ягодицах, на спине, на животе... Сразу захочется мягких приятных прикосновений... Что ж, на это ещё полчаса... Вот тут главное – сохранять спокойствие и верность долгу парильщика!

Опять в парилку! Снова ковшик воды на камни, и только теперь можно и нужно парить вениками. Но это уже совсем другая история... Она не способна влиться ни в одно стороннее повествование.

В конце блаженства – водопад из холодной воды, и – до боли растирать всё тело махровым полотенцем. Нагретая простыня, халат, свежий чай с мятой «без ничего» и спать!

Через час-другой обед. Холодная водочка, селедочка, усыпанная колечками репчатого лука, горячий отварной картофель с укропом и тающим маслом, тонко нарезанные кусочки сала из морозильника, щи со сметаной и чесноком, чёрный хлеб с горчицей... А ещё! Нежная, свежая корюшка на пару...

Первая рюмка немедленно требует кусочек селедки с подцепленными на вилку колечками лука. Капельки масла должны стекать именно с лука. Ни в коем случае не с селедки! Именно она должна нежно войти в тебя, привнося вкус слабой соли и нежного мяса рыбы, скользящей по обезвоженной водкой поверхности горла...

Раз! Теперь свёрнутый в трубочку ледяной кусочек сала! Он сотрёт яркий привкус солёной рыбы и оттенки горечи репчатого лука на середине языка. Его холод только глубоко внутри погасит энергию от растворившейся там водки. Потом сразу кусочек рассыпчатого картофеля в масле и с укропом... Вернуть так необходимое тепло! Не дай Бог вздумаете приготовить картофельные клубни в СВЧ! Рядом к столу не подносить! Там нет никакой рассыпчатости. И никаких разговоров – тотчас пошла вторая рюмка. Кстати, двух вполне достаточно, чтобы приниматься за щи. И когда в тарелке останется совсем мало бульона, следует намазать чёрный хлеб горчицей, лучше французской – она не такая сильная, – и, подцепив кусочек отварной говядинки, радостно отправить его в рот вместе с кусочком хлеба, украшенного кашицей цвета хаки...

Стоп! Перед этим действием забыли третью рюмку! Вот теперь всё.

Снова в баню. Туда, где недавно отдыхали после парилки... Камин, тихая музыка, бутылочка Монравель с сыром Рокфор, Камамбер и Риготт-де-Кондрие... Общение, блаженство и томление от близости влекущих к себе тел и душ...

Постепенно наступает ночь...

Пробуждение

Новелла

Ты ещё спишь, сладко и безмятежно, чуть покрытая простыней. Вдруг поворачиваешься на другой бок, потом на живот, снова на спину... Наверное, всё, что было этой ночью, вновь ярко и зримо предстаёт перед тобой во сне. Простыня давно уже сползла с обнажённого тела, оголив ноги и бёдра. Огонь в камине вспыхнул с новой силой, и его яркий свет, скользя по загорелым ногам, уткнулся в ненаглядный изгиб «лебединого сада», забегал там из стороны в сторону и замер... Тонкая бороздка кожи, плотно сжатая набухшими и немymi губами, вдруг засветилась серебряной нитью... Сначала захотелось прикоснуться пальцами и промокнуть эту желанную влагу... Не-е-ет! Не так! Погрузиться туда лицом и вдыхать, вбирать, впитывать в себя весь аромат пробудившейся сказки! Вот руки сами потянулись вдоль твоего тела. Они пытаются прикоснуться к груди, чуть колышущейся под простыней... Кажется, будто ещё ночью, когда мы «летали в облаках», кто-то маленький украдкой забрался туда, и теперь, почувствовав приближение третьего, хочет, но не может выбраться... Пришлось подвинуться ближе и встать на колени. Окунувшись через ткань простыни

в зыбкое и упругое тело, пальцы с нетерпением рыскают в поисках чего-то твёрдого... Находят! И теперь только эти две твёрдые кочки, не отдавая ласку никому другому, набухают, ещё сильнее твердеют и разносят по всему телу мощные вспышки сладострастия...

Ресницы распахнулись. Тело вытянулось. На твоём лице ещё млеет сладкая истома, а в глазах уже загорается восторг. Конечно, теперь он прямо перед глазами... Упрямый и сильный, влажный от вязкого и терпкого ликёра любви, с оголённой вершиной, покрасневшей от стыда и предвкушения услады... Свет от камина изредка падает и на него. Отражаясь, он преломляется в перламутре тонкой плёнки «патины» из изливающихся гормонов радости и удовольствия. Жемчужные блики проявляются и тотчас исчезают. Хотя здесь совсем другие гормоны! Они отвечают только за предчувствие...

Ты любишься этим игрушечным, но живым, исповедальным «центром мироздания», и возникает чудесная иллюзия мерцающего звёздного неба с его огромностью, непредсказуемостью и сокровенными тайнами. В этот миг существует только одно – страсть! Она затмевает разум и вызывает приятный, неуёмный трепет во всём теле... Мне! Всё только для меня! Ты видишь, как его тело натягивается, будто тетива, и знаешь, эта тонкая, но крепкая нить, так же, как и твоя «серебряная ниточка», неотвратимо подарят вам то, что вы так ждёте. Они выпустят свои стрелы любви... Одновременно! Но сначала это восхитительное очарование уверенно и нежно проникнет в тебя... Оно заставит твои упругие губы сжимать его, отпускать, вновь впускать и потом надолго скроется в сказочной бездне с горячим сладостным дыханием

вечного счастья... Спрячется, чтобы ничто не мешало всем клеткам твоего возбуждённого тела чувствовать чуть ощутимые, но ошеломляющие и ни с чем не сравнимые толчки от прорывающегося наружу божественного нектара.

Такое ощущение, будто все его органы, работая наподобие мощных форсунок, производят выброс своих, особенных жидкостей, стремясь наполнить невидимую камеру сгорания. Вливаясь в этот великий коктейль жизни, туда же устремляются резвые и игривые извечные носители счастья и проблем... Давление достигает предела. И вот эта масса из аминокислот, витаминов, белка, фруктозы и почти всей таблицы Менделеева, даруя сладостные ощущения, выбрасывается несколькими неистовыми спазмами. Вязкая, мутноватая, с запахом сырого каштана, она лёгкими толчками выбрасывается наружу и попадает на твои бедра, живот, грудь.... То светлая и прозрачная, в нескольких местах покрытая почти белыми, иногда серебристо-сероватыми дорожками, то ярко-синяя, пламенная, сверкающая. А если привстать или подойти к камину – играет всеми цветами радуги и, словно молочный туман, застилает глаза... Ничто на небе и на земле не сможет остановить её поток.

В эти мгновения ты, как ребёнок, который норовит всё положить себе в рот, ладонью снимаешь ки-сею, висящую по всей высоте уставшего очарования, и, не задумываясь, пробуешь это на вкус... Она сладко-солёная с горьковатыми и кислыми нотками... Блаженство видеть и чувствовать этот эликсир бессмертия, жизни и любви! Что может быть приятнее, лучше и здоровее? Прогулка по лесу, баня, массаж, сон, вкусный обед, приятное общение... и вот такое

пробуждение ото сна. Разве что описание всего этого чуда!

Но что заставляет задуматься? Если много таких мгновений счастья – в эликсире любви больше горечи... Мало – и тогда сладость наполняет его.

Отчего так?

«Глория»

Очерк

В Маноле при ветре пять метров в секунду моя «мельница» крутится так, что кажется, вот-вот улетит... Там осенью такой ветер частое явление. Сегодня здесь 12! В Барселоне рекомендуют не подходить к морю. Мол, может унести... В Ситжесе всех ещё совсем недавно так вызывающе загоравших *chicas*, должно быть, уже унесло...

Волны иногда высотой метров пять!

Завтра якобы будет ветер в пять раз сильнее... Это 90 км в час!

Мы привычные! В прошлом году ждали ураган Лесли – 200 км в час. А было всего-то 150. Во Франции два года назад ехали с Масиком по трассе от Перпиньяна до Саре при трамонтане 80 км в час! Машины прыгали, как блохи. Одна мысль в башке – только бы не было рядом фуры!

Дрова есть, вода в бутылках, машину отогнал вплотную к забору... Но небо!

Ждём-с. Всё-таки не португальское побережье океана!

Пока набирал текст, смотрю, здесь уже 70 километров в час!

Слышу, звонят...

Направился к выходу. Напаялил на себя всякие клеёнки... Масик не выпускает. Необычно! Не увязывается за мною, а именно не пропускает. Стоит перед дверью на своих маленьких лапках, хвост поджал, а голова – вверх, и в глазах немой укор: «На кого ты меня оставляешь?» Уговорил.

Дождь хлещет... Порывы ветра... У наших ворот стоят жёлтые машины с большущими красными буквами – спецтехника... Фонари крутятся и мигают... Видимо, для уборки завалов на дороге.

Спросили, можно ли к нашему забору ленту прикрепить “*no passeu*”. Я разрешил! И тем, должно быть, спас многих автомобилистов... Показал на дерево, лежащее около моей машины. Махнули рукой и уехали. Мол, мелочи!

Однако дьявол именно в мелочах! С Масиком не гуляли сегодня. Вот беда!

Всю ночь то и дело повторялись жуткие порывы ветра, сразу обязательный треск ломающегося дерева и Масик прячется под кровать. На мгновение куда-то исчезает густая пелена дождя, непрерывные потоки воды на асфальте и подпрыгивающие крышки люков. Это, я вам скажу, интереснее гололёда будет! Редкие чудачки на своих авто просто плыли вниз по склону дороги вместе с потоками воды, задевая заборы то слева, то справа... Пока колесом не уткнулся в открывшийся люк, откуда только что под напором воды выскочила тяжеленная чугунная крышка... Это, надо отметить, для них большая удача! А так бы плыли себе до самого ручья.

Темно. Но всё прекрасно видно. Правда, одно-два мгновения. Вспышка молнии, и через секунду гром! Неприятно... Зато светло! А рядом, за пригорком, небо освещают всполохи вращающихся огней спец-

машин... Не сразу это поймёшь. Сначала кажется, будто молния попала во что-то, и теперь там полыхает... Оттуда же доносится «пулемётная очередь» и истошные режущие звуки. Не бойтесь! Это наверняка отбойник и пила.

Не выдержали, сходили посмотреть и убедиться. Правда, Масик сначала опять не пускал! В ста метрах от нас упало несколько деревьев. Они порвали все провода, заборы, проломили крышу соседнего дома... Большой пёс, поджав хвост, стоял за воротами и не гавкал на Масика. Конечно! Виноват! Не уберёг. Мой пёсик с пониманием посмотрел на него и тихо прошёл мимо.

Сразу пропал и вайфай, и любая мобильная сеть. Но непруха стаями ходит! Возвращаюсь, а света в доме нет! Оказывается, сработал предохранитель. Где-то коротнуло... Поднимаю переключатель... Фиг! Сразу вспомнил про местное дерево. Их тут много! Фига называется... Думаю, надо, чтобы отдохнул... Кто? Да всё равно кто... Подождал, снова поднял. Опять – фиг!

Тогда я включил мозги. У нас есть один агрегат, такой же умный, как я. Он в бетонном колодце рядом с домом. В нём много всего, и наверняка есть что-нибудь электрическое. Смотрю – залило его водой по самую макушку! Но я продвинутый сеньор! Беру ведро, и давай вычерпывать воду, пока из неё не выглянули контуры электрического «умника»...

Одна мысль больно сверлила моё сознание. А вдруг дёрнет! Вода, электричество... Да, память стала уже не та! Рубильник-то выключен. Кстати, и фонарик не нужно было во рту держать. Молнии делали своё дело.

Откачал «больного» – свет и появился. Это главное!

Из средств поддержания коммуникаций осталось только моё авто, предусмотрительно переставленное в более или менее безопасное место.

Да всё равно не проехать... Может, утром...

Утро. Летают самолёты. Это хороший знак. Наконец-то на Андроиде появилась малюсенькая лестница в правом верхнем углу! Будто её всю ночь отбойными молотками пробивали в каталонских скалах местные спасательные службы.

Квант времени

Очерк

После общения с местными пятнадцать дней сидел дома и иногда гулял в лесу с Масиком... Сегодня не выдержал! Напялил на себя маску, перчатки резиновые, шапку... и поехал в магазин! Нет, вообще-то я оделся, конечно. Как в лесу гуляю с Маськой, так и оделся. А что? Справка у меня есть из муниципалитета, что тут живу рядом и пока не болел, права и всякие тархеты местного королевства – тоже. Температура моя нормальная и кушать опять-таки хочется... Правда, чуть кашляю. Но я не стану этого делать, когда остановят товарищи в жёлтом или в зелёном. «Зелёные» просто заберут куда-нибудь далеко, а «жёлтые» – штрафик выпишут на полтора куска. Ничего так!?

Короче! В магазине есть всё. Набрал я этого всякого в тележку. Благо она большая и, как оказалось, бесплатная!

Внутри магазина народу много – это минус. Но все в масках и перчатках – это плюс! Прямо как я! На сердце сразу стало тепло и спокойно...

Слышу – крик. Ещё... Какое-то движение... Появились «жёлтые». Не те – другие, магазинные. Обхватили с двух сторон какую-то барышню симпатичную, но без резиновых перчаток, и культур-

ненько выдворяют её из магазина. Ишь какая непослушная! И социальная ответственность ну явно пониженная!

Народ проникся глубоким уважением к блюстителям чистоты подданных королевства, и приглушённый масками гул одобрения пронёсся по залу, долго витая между длинных стеллажей с едой.

Настоящие «жёлтые» остановили около съезда на автостраду. Наверное, подумали, что я с кругового перекрёстка буду выезжать на дорогу Барселона – Террагона. Я что, совсем дурак?! Нестись по асфальту навстречу пристанищу вируса... Посмотрели чек из магазина и пожелали здоровья... «No te enfermes!»

Теперь опять ждать две недели! Потому как вдруг он всё-таки умудрился запрыгнуть куда-нибудь на шею и сейчас, обманув мои трансмембранные рецепторы, всеми силами торопится зацепиться своими шиповидными отростками... Ведь на жизнь, приятную во всех отношениях, ему отведено только две недели! Если действительно запрыгнул, – то и мне тоже... «Дальнейшее – молчание».

Пятнадцать дней! Этакий квант жизни.

* * *

Вот так постепенно сползаем мы в нечто, напоминающее «микромир» с его особенностями пространственно-временных отношений, принципом неопределённости Гейзенберга и двойственной природой света. Света, который таится во всех чудесах и прелестях мира... И в тебе самом! Ведь, как и в электронных облаках, измерять расстояния твоих перемещений бесполезно. Их просто нет. Вернее, не должно быть! Ты в доме или в квартире, и не дай Бог куда-то выйти вовне! Это так же губительно для

тебя, как и для атома при переходе хотя бы одного его электрона на более высокую орбиту. Он просто оказывается неустойчивым...

Никто не знает, что выбрать. В течение двух недель ты внешне здоровый, а может быть, уже инфицированный... В этот временной интервал твоё состояние неопределённо. А если система, тем более биологическая, в один и тот же временной интервал имеет хотя бы два физически различных состояния, то их векторы развития становятся бесконечными и... практически неуправляемыми.

Зато пройдут две недели, и ты поймёшь, как важно исполнять все противовирусные требования. Так или иначе, но обязательно догадаешься!

Граница

Очерк

Всё как обычно. Но уже чувствуется и парад планет, и магнитные бури, и полнолуние... Навигатор не крепится к машине. Отвык, наверное. Приехали к аэропорту – парковок нет! Закрыты. Два раза все объехали, пока поняли, что никого же нет... Ставь, где хочешь! Внутри допустили только одного, того, кто полный дурак и собрался лететь в одну из трёх самых недоступных, в якобы гнездилище вирусов и корон...

На регистрации издали посмотрели паспорт, какой-то дубиной определили температуру... Я сперва по привычке подумал: гаишник! Указывает палкой остановиться и принять вправо... Потом появилась строгая усатая тётя. Она долго и внимательно всматривалась в меня, видимо пытаясь глазами заменить рентген. Что-то настойчиво искала в лёгких и напонила мне полёты компанией «Эл-Аль» в Израиль. При посадке чего только не спросят, лишь бы выявить врага с гранатой. Sin embargo (Аваль, – «однако» на иврите) там были улыбчивые девчонки с ружьями за спиной...

Зашёл в самолёт, а тут тоже почти никого нет! Процентом на двадцать заполнен. Пассажиров мало, рейсов мало, в кафе сдачу налом с полтинника нечем

дать... Ждал, ждал, плюнул и заплатил картой. Один рейс! И главное, в Таллине только сегодня не посадят на карантин, в понедельник – уже ку-ку!

Пока летим...

Вздремнул. Напялил на голову футболку, чтобы маску приспустить и никто бы этой наглости не заметил. А то дышать тяжело. Точно уснул.

Слышу, кричат дети... Протёр глаза платочком, натянул маску, оглянулся – никого! Вообще никого нет... Стюардессы!? Нет!!! Впереди два ребенка орут... Встал, подошёл к ним. Просто сидят и орут. Рядом старушка дремлет. Я к туалету. Свободно. Конечно, ведь нет никого! Даже страшно стало... Стучу в кабину пилотов. Не отвечают... Правда, стесняюсь, тихо так постукиваю в дверку.

Начинается! Ну как же без этого!

Сел на свое штатное место. Соображаю... Самолёт вроде как снижаться стал. Но где народ-то?! Положил сумку на колени, хотел голову опустить... Вдруг увидел кочергу какую-то – очень похожа на штурвал. Ухватился за неё, держу и приговариваю: «Я пятнадцатый, иду на посадку. Освободите полосу. Сообщайте мою скорость. Ничего не вижу, маска мешает...»

Вдруг вспомнил и добавил: «Все, кто меня слышит, на случай, если погибну, сообщаю... Ключи от бани под подоконником, ключ от почты у риэлтора, паспорт Масика в ящике комода...»

Фу ты! Толчок! Приземлился. Жму на тормоз, не тормозит, торможу – не тормозит... Сейчас услышу: «Хвост оторвёт!!!»

Проснулся. В зале прилёта все без масок. Гады! Такси, отель, душ, водка из мини-бара, спать... Да! Вышел на минутку на улицу Viru в центре Таллина.

Так просто! Вдохнуть воздух Прибалтики! Почти дома! Все кругом шастают, пьют, едят, балдеют, через каждые двадцать шагов что-то или кого-то предлагают...

Часы в телефоне не перевёл. Проспал завтрак. Дошёл до вокзала, купил билет до Нарвы. Жду...

Пошёл дождь, смывая из памяти эти два дня. Уже завтра сообщат новые цифры по количеству заразившихся в Барселоне, и узкая трещина в карантине захлопнется...

Поехали. Всё ещё впереди! Ещё не поступала информация «на кого будут менять»?

В Нарве единственный на Северо-Западе сухопутный пограничный пункт. Через мост 500 метров и Ивангород!

Другие пока закрыты.

А Приморск почти напротив, через залив...

Инфицированный...

Очерк

Сняли запрет на выезд и сразу захотелось сгонять из испанской во французскую Каталонию.

Там, в маленьком городке Ceret, всё инфицировано живописью... Волей-неволей заразишься. Никакая маска не спасёт! На каждой улочке с десятков галерей с работами современных художников. В местном музее, конечно, есть и Пикассо, и Шагал, и Дали... Они тут жили, творили каждый в своё время и, естественно, кое-что оставили понравившемуся городку.

На витрине одной из галерей случайно увидел репродукцию любимой картины Ван Донгена «Женщина в красной шляпке» и молодого художника Фабиена Буатарда – «Леда и лебедь» (я ее называю по-бодлеровски – «Лебединый изгиб ненаглядного сада»). И пошло-поехало! Зашёл в любимый магазинчик на rue St. Ferreol “Ivre des livres” («Пьян от книг»). Там два года назад за три евро купил книжечку 1789 года издания – “Les traits brillans des poètes françois les plus célèbres”. Это, между прочим, год Великой французской революции! Ещё взял (дали бесплатно, видимо, как «выдающемуся писателю современности») – “Robinson Crusoe” 1856 года, “Histoire de Russie” Вольтера 1860 года, ну и,

разумеется, любимого моими одноклассниками “*percé jusqu’au fond du coeur*” «Сида» Пьера Корне-
ля.

Нашел 25 томов “*Histoire générale de la peinture*”. Залез в них... Интересно, как с годами на протяжении 20–30 лет менялось восприятие женщины художником в зависимости от направления в живописи... Начиная, конечно, с импрессионистов, экспрессионистов и постимпрессионистов, а заканчивая кубизмом, сюрреализмом, футуризмом и абстракционизмом. Обалдеть можно!

И только Масик, начиная лизать, возвращал меня в реальность. Приходилось снимать очки, протирать их, рассеянно оглядываться по сторонам...

Кстати, рядом, в местной библиотеке, прямо в памятнике XIII века «Ворота Франции» и в этом магазинчике “*Ivre des livres*” на полочках красуются мои «шедевры»... Ждут, вдруг кто прочтёт, ну или купит...

Ночью погулять...

Новелла

Некоторые полагают, что ночью выйти погулять не больно будет. Ой ли! А ну как под уличным фонарём наткнёшься на денежку, прилипшую к мокрому асфальту... Всё! Даже не нагибайся! Лишнее это. На ней сидит Он и ещё трое суток будет там околачиваться всем назло. Тебе это надо?

А если много денежек? Нет, правда! Слитки же золотые теряют... Куда-то тащили и потеряли... Тогда как? Отвечу со всей прямокой: «Затрудняюсь ответить!»

И правда... Не тащить же на себе целый ящик! Это во-первых. Потом, и это во-вторых, всё с себя снимать и в спирте полоскать... И ящик, и деньги тоже! Чуть не забыл! Третье, главное, не вытирать пот со лба, пока тащишь домой на плечах бюджет целого города!

И вот ещё что. Если это доллары, так они же вроде как ничем не обеспечены!? Ни заводами, ни парходами... На фиги их тащить!

Я так скажу: лучше брать с собой лопату. Ну, как зонтик. И ею всё это, ею! Аккуратненько в сумочку... А сумочку нужно предусмотрительно всегда держать в кармане в сложенном виде.

Так вот! К чему это я? Давеча ночью гулял... Чтоб не оштрафовали, с собачкой, конечно. И не клюнул на вот такие разбросанные повсюду ловушки!

Подумал и решил: «Пусть себе лежат! Всё равно лопаты нет с собой...» Оставил записку: мол, не трогать – потом придётся всё «отмывать»!

Так и спирта не напасёшься!

Конформация души

Эссе

В химической науке есть такое явление – слабые взаимодействия. Они ответственны за конформационные свойства, форму и стабильность структуры макромолекул. Эти конформации там бывают всякие: «заторможенные», «заслонённые», «скошенные» и даже «катастрофические». В жизни – тоже так! Порою кто-то, случайно повстречавшись, невольно прикасается к непроницаемому кокону твоих устоявшихся связей и отношений. Именно этот «кто-то», не ведая того, аккуратненько надрезает колючую кожуру окружающего тебя мира, рвёт непроницаемую оболочку твоих привычных эмоций и сквозь трещины и там, и там проникает нежный аромат Жизни! Именно такие встречи внезапно открывают тебе совершенно иной мир, новые возможности и жизненные горизонты...

Но как же умудриться в зыбкой трясине привычного приметить что-то новое, необычное и, опираясь на него, двигаться дальше? Это так же просто, как в центре огромного города отыскать самую узкую улочку, и, пройдясь по ней, проникнуть в секреты творчества когда-то жившего здесь большого поэта. А если не проникнуть, то хотя бы почувствовать его способность в любом кошмаре отыскать крупинцы

прекрасного... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы, в лучике заходящего солнца, прорававшегося сквозь лесные заросли, мгновения, когда на мокром песке после откатившейся волны ещё видны плывущие по небу облака... Или вдруг встретишь цветок, растущий прямо из камня, едва заметное движение руки когда-то давным-давно понравившейся тебе девчонки! Что-то неотвратно превращается в твоей душе... Меняется многое! И в первую очередь, твоё восприятие действительности. Видишь и ощущаешь то, чего раньше просто не замечал. А, может, этого и не было вовсе? Или это Солнечная система начинает выходить из тёмного рукава нашей Галактики в зону с другими энергиями, вспышки на Солнце, магнитные бури ускоряют «пульс планеты» – резонансы Шумана?..

Нет! Это внезапное постижение чего-то, невыводимого из твоего прошлого опыта. Это как открытие и прорыв в науке, как тунельный эффект в микромире, когда частица с недостаточной энергией прорывается сквозь высокий потенциальный барьер, как «трещины» в пространственно-временной ткани Вселенной, позволяющие проникать далеко-далеко, за тысячи световых лет...

Как это похоже! Стоит однажды оказаться на самом краю огромного континента, сперва на востоке, а потом, спустя десятилетия, – на западе... Всё! В одно мгновение ты ощутишь до невозможности лёгкое дуновение огромных, спрессованных пластов времени. Будто в кино, перед тобой тотчас промелькнут почти все главные события твоей жизни. Но, что интересно!? Ты их увидишь и почувствуешь как-то по-новому, словно это Божественное откровение!

Почему так? Почему так чудесна сила и очарование самых первых эмоций, ещё не успевших погаснуть под гнётом вездесущего рассудка?

Просто случается так, что постигнув неизведанное доселе очарование чего-то для тебя нового, неожиданно близкого и удивительно родного, человеческий Разум вдруг становится пылающим.

Преодолеть это «воспаление чувств» едва ли возможно...

Да и не нужно!

Запахи прошлого.

Эпикриз

Эссе

Что за год такой! Хотя... Наверное, это не он, это я такой. Генетический кризисник. Случись что, я тут как тут! Всегда и везде объявляюсь, когда жуть какая-нибудь возникает.

В 72-м после полного солнечного затмения четыре месяца качаюсь в штормовом море Бофорта. Сквозь всеобщую и перманентную тошноту ищу в Арктике новое подводное течение... «Фига»! И ведь нельзя! Кромка льда подберётся к берегу мыса Барроу, и не выбраться из этого чужого моря... Еле-еле успели!

Потом «прыгающая»... Придумали, понимаешь, на самолётике весь бассейн арктический облететь, раз сто сесть на лёд, взять воду с разных глубин и, глядишь, опять-таки течения новые сыщешь! В общем, это всё для того, чтобы не на льдине дрейфовать целый год, как Папанин, и не на айсберге, как Чилингаров. Дали четыре самолётика с красным хвостом. Это когда он улетит, а ты остался. Его видно далеко на фоне льда.

Прыгнул на ходу, дырку просверлил, а оттуда столб воды! Значит, лёд тонкий, и самолётику пора сваливать! А ты уж потом, когда увидишь вдали

красный хвост, туда и иди... Ещё интереснее, если он не успевает улететь. Тогда впору самому себе придумывать «красный хвост»...

Угробили четыре машины. Удовольствие называется – «первичная посадка на лёд неизвестной толщины». А что? Зато час полета – три шестьдесят, как бутылка «Московской», каждая посадка – червонец... А ещё червонец за день на льдине, где аэродром, плюс штормовые, гробовые... Как всё толково продумано!..

Через год – Чили. Правительственный переворот. Группа из двадцати комсомольцев прилетает в город Вальпараисо для организации вывоза наших студентов. Всех арестовывают, связывают руки и бросают в трюм небольшого советского торгового судна. Будто молодогвардейцы! Как бы вернули на Родину... Там лежат друг на друге. Нестерпимый смрад от смеси соляры, духоты и мочи... С берега доносятся истошные крики... Через два дня открылся трюм, и местные солдаты в касках, почти как у немцев в ту войну, вытащили всех на палубу. Там какой-то мужик в фуражке и ещё пять матросов. Все избиты, на рубашках пятна крови. Как-то умудрились отплыть на Кубу. По штату надо пятнадцать матросов! Никаких наших студентов даже и не видели.... В общем, опять «Фига»! Сами еле-еле выбрались. И ведь никто ничего не знает! Время такое: новости на телегах развозили в железных клетках... Помню, в восьмидесятом самолёт разбился под Ленинградом. По приказу партии хожу по квартирам и сообщаю родственникам о... Ну, вы понимаете о чём. До сих пор удивляюсь, как не прибили меня эти самые родственники погибших. Слава Богу, что мне только три квартиры достались!

В 83-м вонючий сарай на краю Кандагара с забитыми окнами и ямой вместо туалета. Одна табуретка перевернута, внизу керосиновая лампа, а сверху на ножках тряпка, чтобы прикрыть свет. На другой табуретке печатная машинка «Аурика»... Тщетно стараюсь плодить инструкции о том, как примирить Хальк и Парчам – две враждующие части правящей партии. Опять-таки «Фига»! Одно радует: из щелей забитого железными листами окна, как туман поутру, постоянно стелется аромат моего жилища. Ни одна собака не сунется!

В 90-м два месяца в Тель-Авиве. Этакая бизнес-разведка! Пытаюсь постичь, как управлять в условиях бардака и неопределённости. Жара, ещё не кончилась «Война в заливе», стреляют, нестерпимый запах гари и пота... Вот уж самое время изучать объекты интеллектуальной собственности!

Август 91-го. Как раз те три дня исполняю обязанности директора первого в стране акционерного общества. Народ кучкуется, на стенах листовки с разными призывами... В рабочее время, нарушая всё и вся, выпускаю работников через проходную института. Они зачем-то шли на Дворцовую площадь... Думаю, щас «Аврора» бахнет, и все побегут за матросами... Оказалось – опять революция! Мы победили! Кто мы? А вот, как говорил Талейран, завтра и решим... Всё-таки меня в пионеры принимали именно на этом крейсере.

Двухтысячный. Москва с терактами на Тверской и в троллейбусе у кинотеатра «Россия». Конечно же, я рядом! По скверной привычке в рабочее время гуляю в скверике около кинотеатра и мучаюсь вопросом, как же всё-таки примирить на этот раз троих бывших друзей, сдуру решивших стать акционерами

созданного ими банка, а заодно и сам банк спасти – не платить мошенникам по липовому векселю?

Позднее нечто похожее происходит в Питере. И надо же, как спланировали, гады! Именно когда я проезжаю мимо «Техноложки». Хорошо, что метро большое и там много всяких линий! В общем, затерялся... Но до сих пор нет-нет, а чувствую якобы «несуществующий» запах гексогена...

17-й год, октябрь – Барселона. Опять революция? Да нет! Пока только снова взрыв! Совсем рядом с домом, где я жил. Даже стёкла в окнах загудели... Уже через месяц под этими же окнами полиция из Мадрида водомётами и резиновыми пулями разгоняет очереди голосующих на референдуме за независимость. Всю ночь в ушах вой сирены машин скорой помощи...

А недавно умудрился присутствовать во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном. Честно скажу: не хотел! Помню, моя машинка несётся по автостраде между падающими и уже поваленными деревьями и подпрыгивает, как блоха. И только один простой до невозможности вопрос гложет моё сознание: «Есть справа от меня огромная фура или её там уже нет?»

Вот и теперь... То ли високосный год, то ли мой, юбилейный... Здесь, в королевстве, как общий неменяемый фон бытия, уже который месяц грохот от отбойного молотка! Кто-то сильно хочет сковырнуть ненавистную всем скалу... А рядом, в Барселоне, демонстрации. Опять хотят независимости... Перекрыт проспект Гран-Виа. Ночью, как и два года назад, жгут авто и мусорные баки. В воздухе пахнет «духами»... Миллионы жителей с разноцветными шариками и стуча сковородками несколько дней топают в Барселону со всей Каталонии... Ну, эти хоть

со своими туалетами! Этакое соединение упорства с принципиальной, внутренне мотивированной презумпцией ненасилия.

На два дня улетел в Париж... Там «жёлтые жилеты»! Оккупировали, понимаешь, Елисейские поля, а ночью, как и в Барселоне, одинаково настырно жгут и авто, и магазины, и мусорные баки... Ну куда утомившемуся пенсионеру-кризиснику укрыться? Может, хочешь в музей? «Фига»! Лувр и Эйфелева башня закрыты, Нотр-Дам после пожара так и стоит без шпиля. Вместо него какой-то кран торчит. Того и гляди упадёт... Весь транспорт бастует. Утром люди идут на работу по грязным тротуарам плотными рядами, как зэки на зоне...

Мой обратный рейс отменили. Мол, ты же любишь бардак и неопределённость! Вот и любуйся, балдей и купайся в них!

Вернулся. А тут ураган. В отличие от португальского этот «Глория» называется. Трещат и падают деревья, рядом от удара молнии горит лес... Всюду шумят и мигают огни спецтранспорта. Ни света, ни тепла, ни мобильной связи... Дождь заливает всё, что возможно. Даже крышки люков выпрыгивают изпод асфальта дороги. Ничего так?!

Только убрали поваленные деревья – другое безобразие! Пандемия! Выход на улицу – полторы тыщи евро! В магазин и аптеку – только один и только в маске и в перчатках! А их нигде нет... Во как! Это значит – отдай шестьсот! Вернулся домой – жди две недели! Вдруг «Он» всё-таки вцепился в тебя и теперь настырно лезет прямо в лёгкие, обманывая всех и вся на своём пути.

Третий раз отменяют рейс в Питер. Не дожидаться! Придётся пешком с чемоданом переходить границу

где-нибудь под Нарвой. Так ведь опять эти ужасы! Именно в это время магнитные бури, парад планет, полнолуние и тут же лунное затмение. А главное, только в эти два дня июля в Таллин впускают пассажиров из Барселоны без двухнедельного карантина где-нибудь в госпитале...

Какой-то сюр! Вот-вот поднимется тяжёлый пыльный занавес, и начнется следующий акт всеобщего представления... Какого? А конец «плохого» почти всегда начало «хорошего»! И в жизни, и в словах. ПлоХОрошо...

Зато! Зато вокруг Барселоны вереск цветёт круглый год. Я знаю – он исцеляет от любой жути. А «ландыши» растут прямо на «земляничном» дереве... Это же совсем другое дело! И аромат – тоже. Даже в грязном и бастующем Париже я отыскал самую узкую улочку города, где одно время жил и творил Бодлер. Вот кто умел в любом кошмаре отыскать крупинцы прекрасного! Здесь же, «на хуторе» близ Ситжеса, как бы напоминая о былом, хоть и преследует всех и всюду древнее дерево «Фига», а мой Масик нашёл таки себе подружку Эмму...

Хоть будет что вспомнить!

Но вот ведь напасть какая! Почему-то всегда сперва запахи ощущаю. А уж потом воскресают факты.

Содержание

От автора	3
Новые океаны (эссе)	5
Где-то там... (эссе)	12
София-Антонина (эссе)	15
«Трещины» во Вселенной (эссе)	16
Реликтовое излучение (эссе)	25
Парикмахерская напротив (эссе)	48
Дыхание времени (эссе)	50
Не в единении – наедине с самим собой...	
(Вояж по двухтомнику «Избранное») (эссе)	55
Маленькая улочка в большом городе (очерк)	62
Последние капли дождя (рассказ)	79
Зеркало Любви: Шарль Бодлер. Муки творчества.	
Осуждённые стихи (рассказ)	96
Срываая вереск... (психологическое эссе)	108
Химия любви (эссе)	128
Предчувствие (эссе)	134
Прелюдия (эссе)	136
Пробуждение (новелла)	139
«Глория» (очерк)	143
Квант времени (очерк)	147
Граница (очерк)	150
Инфицированный (очерк)	153
Ночью погулять... (новелла)	155
Конформация души (эссе)	157
Запахи прошлого. Эпикриз (эссе)	160
Об авторе	167

ОБ АВТОРЕ

Борис Фёдорович Корнев родился в Ленинграде 5 февраля 1950 г. Учился в ленинградской 392-й школе с углублённым изучением французского языка. Окончил Ленинградский, а затем Санкт-Петербургский государственный университет: химический факультет и аспирантуру (1976), факультет психологии (1997) и экономический (2008).

Работал в научных, финансовых и политических организациях Ленинграда, Санкт-Петербурга и Москвы. Известный специалист по управлению в условиях кризиса и неопределённости. В 1990 г. на базе НИИ, КБ и заводов Академии наук СССР создал первое в стране международное акционерное общество по разработке и созданию приборов высшей категории сложности. Свыше двадцати лет занимался реализацией антикризисных проектов в различных городах России и Европы. Член международной ассоциации управленческого консультирования. Автор научных работ в области экономики и кризисного управления, научно-популярных и художественно-публицистических изданий. Наиболее известные читателю: «Сказки для бизнесменов» (Записки кризисного доверительного консультанта) – 2006 г. и «Немедленно ждать» (Кризисный проект – управление отношениями и меняющимися ожиданиями) – 2009 г.

В 2011 г. принят в Союз писателей России. Прозаик, публицист, эссеист, член редколлегии альманаха «Северные цветы». Лауреат литературных премий: в 2013 г. – имени Николая Тихонова за повесть «Реальная четвёрка», в 2015-м – «Наследники Победы» – за повести «Одна на всех...» и «Дальтоник». Дипломант Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого в 2018 г. за сборник рассказов, эссе и новелл о тайнах любви и творчества, о судьбе стихов великих французских поэтов Франсуа Вийона, Шарля Бодлера и Гийома Аполлинера – «Тайны „пылающего Разума“».

Книги Бориса Корнева изданы на английском, французском и испанском языках. Они приняты в фонды национальных библиотек России, ряда европейских стран, Латинской Америки и Канады.

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

«ТРЕЩИНЫ» ВО ВСЕЛЕННОЙ

Эссе, новеллы, рассказы, очерки

Издание второе, исправленное и дополненное

Художник — Александр Клопов
Корректор — Людмила Николаева

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 84 × 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 5,25 п. л. + вкл. 0,125 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № ?????

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3